

Крейвен Мэнор. Хранитель призраков

Автор:

[Дарси Коутс](#)

Крейвен Мэнор. Хранитель призраков

Дарси Коутс

Ядовитые страницы

О НЕКОТОРЫХ СЕКРЕТАХ ЛУЧШЕ ЗАБЫТЬ НАВСЕГДА...

Дэниел отчаянно нуждается в работе и потому без раздумий соглашается занять место смотрителя в старом поместье Крейвен Мэнор. Прибыв на место, он обнаруживает, что мраморное фойе покрыто листьями и паутиной, а в доме давно никто не живет. Но на полу он находит конверт с деньгами, а значит, эта работа – не чей-то розыгрыш.

Какое-то время спустя вокруг начинают происходить необъяснимые события, и Дэниел понимает, что Крейвен Мэнор скрывает ужасную тайну...

ТАЙНУ, ЧТО УГРОЖАЕТ ПОХОРОНИТЬ ЕГО ВМЕСТЕ С СОБОЙ.

Дарси Коутс

Крейвен Мэнор. Хранитель призраков

Darcy Coates

CRAVEN MANOR

Originally published in the United States by Poisoned Pen Press, an imprint of Sourcebooks, LLC

www.sourcebooks.com.

Печатается с разрешения издательства Sourcebooks, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского Елены Бойченко

Copyright © 2017, 2020 by Darcy Coates.

© Е. Бойченко, перевод на русский язык, 2021

© Издательство «АСТ», 2021

Глава 1

ДЭНИЕЛ ШЕЛ ПО ХОЛЛУ, шаркая по ковровой дорожке изношенными башмаками, из которых торчали нитки. Он с грустью посмотрел на свои ноги и повернул за угол, направляясь в квартиру двоюродного брата.

Шестиэтажный многоквартирный дом крайне нуждался в ремонте. Стены, когда-то выкрашенные в белый цвет, облезли, пожелтели и были покрыты серыми разводами и пятнами. Из четырех лампочек в холле горело только две. Дэниел сомневался, что это место выглядело привлекательным даже в лучшие времена, но к тому времени, когда он переехал сюда, оно превратилось в пристанище для безработных, для тех, кто доживал последние дни, и тех, кому было некуда податься.

Дом для отчаявшихся. Он повел плечами. Целый день он мыл полы в туалетных комнатах казино, и теперь у него болела спина. Это была разовая работа. По утрам Дэниел тратил почти все время на поиски хоть какого-нибудь заработка. Он обращался по всем висевшим снаружи объявлениям «Требуется...», какой бы непривлекательной не казалась работа. Когда денег почти не оставалось, он шел в район красных фонарей в поисках подработки. Обычно его нанимали на несколько часов, чтобы убратсья в ночном клубе, пабе или недорогом отеле. Оплата, конечно, была значительно ниже минимальной зарплаты, но выбирать ему не приходилось.

– Дэниел! Дэниел! – из-за двери одной из комнат выглянула маленькая морщинистая старушка и помахала ему.

Она была одета, но, похоже, забыла снять ночной чепчик. За толстыми стеклами массивных очков моргали прищуренные глаза. Старушка протягивала ему фарфоровое блюдо.

– Дэниел, я испекла печенье. Попробуй!

При виде соседки часть усталости Дэниела улетучилась.

– Спасибо, миссис Киршнер. Вы так добры.

Ростом она едва доходила ему до пояса, но, от его слов, казалось, чуть вытянулась.

– Испекла специально для тебя, Дэниел. Молодому человеку, как ты, нужно больше кушать.

Дэниел взял коричневое печенье с блюда – жесткое и суховатое, – но он был голоден и быстро сжевал его.

– Вкусно. Один из ваших рецептов?

– Да, да, – старушка поправила очки и заулыбалась. – Обычно я пеку их с клюквой, но... но не сегодня.

– Ясно, – у Дэниела упало сердце.

Он взглянул на квартирку за ее спиной. Серый кот Алонзо мирно спал на подоконнике. Занавесок на окне не было, и свет, преникая через стекло, отбрасывал блики по всей скудно обставленной комнате. Дэниел был готов поклясться, что, когда она въехала, мебели было больше. Чашка чая стояла на полу рядом со стулом. Напиток был темного цвета, хотя он знал, что она любит чай с молоком.

– Хм, миссис Киршнер, у вас все в порядке? Я имею в виду, как вы справляетесь? На все хватает?

– Не волнуйся, Дэниел, – она похлопала его по груди. У нее были маленькие руки с изуродованными артритом суставами, но она продолжала улыбаться. – Мы в порядке. Я позвоню дочери, если что. И на следующей неделе она пришлет деньги.

Сегодня вторник. Неделя – это слишком долго. И она никогда не звонит дочери – только если уж совсем дойдет до ручки... Дэниел сунул руку в карман и достал двадцать долларов, которые заработал уборкой туалетов. Он хотел потратить их на сегодняшний ужин и завтрашний обед, но решил, что не так уж и голоден.

– Вот, возьмите. Это немного, но поможет продержаться до следующей недели.

– Ох, – она цокнула языком и попыталась вернуть банкноту. – Нет-нет, это деньги Дэниела.

– Действительно, – засмеялся он и сунул банкноту в передний карман ее кардигана прежде, чем она снова успела возразить. – Это плата за печенье, которое вы печете для меня. Берегите себя, миссис Киршнер.

– Хороший мальчик, хороший мальчик, – пробормотала она и снова протянула ему блюдо. – Бери еще.

– Спасибо, – он взял еще одно печенье и помахал ей, когда она зашла к себе. Дверь закрылась, но он услышал, как она поет колыбельную своему коту. Голос ее звучал счастливо.

Дэниел жевал печенье и, откинув голову, смотрел на низкий потолок, весь в разводах. Дальше по коридору заплакал ребенок. Этажом ниже спорили двое мужчин. В конце коридора горел свет – одна из двух оставшихся рабочих лампочек шипела и мигала.

Дом для отчаявшихся...

Он выдохнул через нос и направился к квартире кузена. Можно считать, что он уже поужинал – печеньем. Если повезет, то, может, ему и завтра удастся найти работу по уборке и заработать немного наличных. Или – хотя он уж и не смел слишком сильно надеяться – вдруг он получит место там, где оставил отклики на объявления.

Работы в городе почти не было. Каждый раз, когда он являлся на собеседование, ему приходилось сидеть рядом как минимум с двадцатью другими кандидатами, ожидавшими своей очереди. К тому же он не мог похвастаться опытом, у него не было квалификации и не было машины. Для передвижения по городу ему вполне хватало велосипеда, но работодатели считали, что его транспорт должен быть более надежным.

Словно «уловка-22»: если бы он мог выбраться из города, появилось бы больше шансов найти работу, но тогда ему было бы негде жить. Дэниелу и так повезло с крышей над головой. Его приютил двоюродный брат Кайл – «пока он не встанет на ноги». Ровно шесть месяцев назад.

На двери их квартиры № 616 висели две бронзовые цифры – «1» и «6». Одной цифры не хватало, но всем было наплевать. Дэниел вытер ноги о коврик снаружи, пока вставлял ключ в замок. Дверь со скрипом открылась, и Дэниел чуть не наступил на белый конверт, валяющийся на покрытом линолеумом полу.

– Дэн, это ты?

Голос звучал из гостиной, сливаясь со взрывами и артиллерийской пальбой из видеоигры Кайла.

Дэниел наклонился, чтобы поднять конверт.

– Да, я. Не думал, что ты дома.

– Босс ушел рано. И я решил, что тоже могу, – раздался взрыв, затем механический звонок, означавший, что Кайл проиграл. – Черт, – громко выругался он.

Конверт был из плотной, а не тонкой бумаги, на какой обычно приходили счета. Адрес не указан, но на лицевой стороне ровным почерком было написано имя Дэниела. Он перевернул конверт. Обратного адреса тоже не было.

Приставка проиграла вступление, возвестив о новом раунде. Дэниел закрыл за собой дверь и прошел в крошечную кухню, внимательно разглядывая конверт. В раковине громоздились тарелки и кастрюли с липкими остатками риса. Дэниел включил краны, чтобы замочить грязную посуду и приподнял незапечатанный клапан конверта.

Он никогда не получал писем – и уж тем более писем, написанных от руки на плотной бумаге. Сначала она запаниковал, подумав про уведомление о выселении, но это не имело смысла: квартира была оформлена на имя Кайла. Кроме того, их домовладелец не стал бы тратить деньги на такую неприлично роскошную бумагу. Он вытащил лист из конверта и развернул его.

Короткое письмо, написанное аккуратным почерком с завитушками. Строки были безупречно ровными, слова смотрелись крошечными темными пятнами, которые, казалось, окутаны белым пространством. Дэниел прочитал его дважды, и лишь тогда понял, о чем идет речь.

«Мистер Дэниел Кейн,

Я хотел бы предложить вам работу садовника в усадьбе Крейвен Мэнор[1 - Крейвен Мэнор – от англ. craven manor; это словосочетание можно перевести двояко: особняк, населенный трусами, или особняк, наводящий страх.]. Приступить следует немедленно.

Пройдите по улице Тилбрук-стрит до развилки у сухого дуба. Затем поверните направо, и через две мили по прямой вы окажетесь на месте.

Жду вашего прямого ответа,

Бран»

Дэниел перевернул лист. На обратной стороне было пусто. Это что? Шутка такая? Ничего не понимаю. Уже несколько месяцев он в отчаянии ждал предложения о работе, но письмо было настолько странным, что он и представить не мог, что оно сделано всерьез. Кто пишет вместо адреса какие-то указания, как добраться до места? И почему именно меня выбрали в садовники? У меня и опыта-то нет.

Тут он немного лукавил. Дэниел любил заниматься садом, когда жил у бабушки, пока та не умерла. По выходным они по несколько часов проводили в саду за домом – пололи, обрезали ветки, ухаживали за растениями. Там он чувствовал себя спокойно, в безопасности.

Вокруг многоквартирного дома не было никакой растительности. Когда-то у тротуара росло одно-единственное дерево, но теперь от него остался только пенек. Иногда он за целый день не видел вокруг никакой зелени, кроме водорослей в канализации или одинокого сорняка, прибывающего из трещины в тротуаре. Поэтому предложение о работе в саду звучало как сказка.

Навряд ли это настоящее предложение. Такого просто не может быть. Чей-то глупый розыгрыш.

Вода уже текла через край кастрюль, поэтому он закрыл кран и двинулся в гостиную. Кайл сидел на заляпанном пятнами диване, наклонившись вперед и уставившись в экран телевизора, и его, по-видимому, нисколько не волновало, что он сидит на каком-то пятне. Его герой бежал через заброшенный склад, обстреливая всех выскакивающих перед ним вражеских пехотинцев и время от времени швыряя гранаты. Дэниел кашлянул, но Кайл не отреагировал, поэтому он оперся ноющей спиной о стену и стал ждать, пока его кузен закончит очередной раунд.

Трудно было поверить, что в колледже Кайл играл в футбол. Тогда он был популярным парнем, с рельефной мускулатурой и волосами такого же бронзового оттенка, как у Дэниела. Но в футболе он не преуспел, карьеру на этом не сделал и, в конечном итоге, устроился на работу в строительную

бригаду. Дэниел знал, что у него тяжелая работа, но газированные напитки и жирная еда на вынос делали свое дело и постепенно портили его фигуру. Ткань черной футболки, плотно обтянувшей живот, была покрыта слоем мелких опилок. Кроме того, щеки и затылок понемногу заплывали жирком. Закусив нижнюю губу, он совершил еще один маневр со своим героем и уничтожил еще одного снайпера. Прозвучал сигнал, означавший конец игры. Команда Кайла победила, он издал радостный клич и откинулся на спинку дивана.

– Привет, – сказал Дэниел и показал ему лист бумаги. – Это ты оставил?

– Что за хрень? – Кайл покосился на страницу, но даже не приподнялся с дивана, чтобы получше рассмотреть письмо. – Ты наконец нашел работу?

– Нет... я хотел сказать, я...

– А я как раз хотел поговорить с тобой об этом. Нам придется потесниться и поселить еще одного жильца, – Кайл почесал щетину и отложил пульт в сторону. – Я знаю, ты вносишь свою долю за аренду, но коммуналка в следующем месяце подорожает, и той суммы, что ты даешь, просто не хватит. Я уже поговорил с одним челом с работы. Думаю, он согласится.

– Эээ, – Дэниел почувствовал знакомое ощущение, будто его желудок сжимается, и слегка скользнул вниз по стене. – Но у нас всего две спальни...

– Точно, поэтому ему придется поселиться в твоей. Мне нужен полноценный отдых, чтобы меня никто не беспокоил. Ведь я рано уйду на работу.

Кайл редко выходил из дома раньше девяти, но Дэниел решил не развивать эту тему.

– Но в моей комнате почти нет места, и вторая кровать навряд ли поместится.

– У тебя есть работа? Сможешь платить больше? – Кайл оттопырил нижнюю губу и приподнял брови. – Потому что, если не сможешь, мы оба окажемся на улице.

– Понимаю. Ну что ж, если нам нужен третий жилец... выбора у нас особо нет, – Дэниел потер рукой спину и шею и пожал плечами. – Может, поменяемся

комнатами? В твоей больше места, там легко встанут две кровати, а ты поселишься в моей.

– Извини, брат, – он снова взялся за пульт и начал выбор параметров для новой игры. – Ты же знаешь, что у меня слишком много вещей – куда я их дену в такой тесноте. Слушай, лучше принеси мне выпить из холодильника по дороге, окей?

Дэниел послушно достал жестянку с напитком, бросил ее Кайлу, а затем выскользнул из квартиры. Его сердце стучало, ладони вспотели. Мысль о том, что он снова может оказаться на улице, начнет попрошайничать, копаться в мусорных баках в поисках еды, как раньше, перед тем, как Кайл нашел его, вызвала у него тошноту с металлическим привкусом во рту.

Он стоял на коврике, прислушиваясь к крикам плачущего ребенка, эхом разносившимся по коридору. Свет мигал, и каждая его вспышка, казалось, била по натянутым нервам.

Он провел большим пальцем по прохладной бумаге, ощущая ее текстуру и плотность. Навряд ли бы Кайл стал так шутить – слишком сложно и странно для него. Его кузен предпочитал что-нибудь более грубое и громкое. Например, подбросить петарды в кровать Дэниела в три часа утра. Его простыни так и остались подпаленными.

Но кто еще мог оставить эту записку? Точно не миссис Киршнер. Она слишком добрая, да и почерк у нее не такой аккуратный. А в этом доме навряд ли кто-то еще знает мою фамилию.

Дэниел задумчиво сворачивал и разворачивал письмо. Движения его были резкими и точными. Он пробормотал: «Предлагаю вам работу садовника...»

Вопли ребенка наконец перешли в икоту. Дэниел сунул письмо в карман джинсов и сбежал вниз по лестнице в холл, где хранил велосипед. Приближалось время ужина, но солнце не сядет еще пару часов, так что у него есть время хотя бы проверить, на самом ли деле существует эта усадьба.

Он жил в доме для отчаявшихся людей, а отчаявшимся людям выбирать не приходится.

Глава 2

ДАНИЭЛ МЧАЛСЯ НА ВЕЛОСИПЕДЕ, слегка наклонившись вперед, наслаждаясь прохладным ветерком, что обдувал его лицо и ерошил волосы. Уезжая из города, он любил крутить педали быстро-быстро, легко преодолевая подъемы и спуски. Если ему удавалось найти правильный угол, казалось, что он летит.

Окруженный птичьим щебетом, он свернул на Тилбрук-стрит, следуя инструкциям в записке, и оказался в незнакомой местности. Время от времени он проезжал мимо фермерских домов и съездов с основной дороги, но никаких машин видно не было, и ничто не нарушало тишину раннего вечера. Он уезжал все дальше и дальше от построек и, наконец, оказался в окружении только толстых сосен, увитых стеблями лиан. Доехав до конца извилистой дороги, он увидел большой давно засохший дуб, ветви которого напоминали искривленные пальцы, как будто тянувшиеся к Дэниелу. Он немного запыхался, сбавил скорость и, приблизившись к дубу, остановился в его тени.

У дуба дорога делала резкий поворот налево, как будто натываясь на препятствие и огибая его. В письме было сказано повернуть направо. Даниель внимательно осмотрелся, но не увидел ни малейших признаков ни дороги, ни тропы – только густая, почти непролазная растительность.

Видимо, все-таки розыгрыш. Он повернулся, чтобы убедиться, что за ним никто не крадется, волосы на руках встали дыбом от беспокойства. Нетрудно было представить себе преступный картель, который заманивает отчаявшегося молодого человека без друзей на какую-то заброшенную дорогу, пообещав работу, только чтобы тюкнуть его по темечку кирпичом и извлечь почки. Дэниел знал, что человеческие органы очень ценятся на черном рынке – он даже изучил этот вопрос, когда ему было совсем тошно.

Но грязная тропа была пустой, и, насколько он видел, никто не притаился в обрамлявших тропу пышных кустах. Он слез с велосипеда и, оставаясь настороже, подошел ближе к дереву.

Ствол дерева был покрыт надписями, нацарапанными и вырезанными детьми и подростками. Некоторые послания выглядели довольно старыми и наверняка

были старше Дэниела. Новых рисунков не наблюдалось. Все надписи, в основном, представляли собой общеизвестное уравнение с инициалами, между которыми стоял «плюсик», а после знака «равно» красовалось сердечко. Одна оказалась попыткой зарифмовать фразу, которую прервали на середине. А еще одна просто гласила «Усадьба Крейвен Мэнор» с крошечной стрелкой, указывающей направо.

Дэниел повернул. Тропа меж деревьями так и не появилась. Солнце опускалось все ниже, и теперь, когда он больше не крутил педали, ему стало холодно. Разворачивайся. Иди домой.

Он представил себе, что ждет его вечером. Ему придется лежать в постели без сна, голодному и разочарованному, и слушать, как Кайл играет в свою игрушку. Он сильно устал, но боль в мышцах не даст ему быстро уснуть. Дэниел скривился.

Придерживая велосипед за руль, он дошагал до участка с развилкой, где деревья и лианы росли так же густо. Приблизившись, он увидел несколько контуров серых камней, вросших в землю. Он поскреб ботинком по одному из них, чтобы счистить грязь, и обнаружил, что это плоские каменные плиты. Глянув вперед, он обнаружил некое подобие тропы из этих плит, ведущей в лес. Некоторые торчали из земли под странными углами, видимо, вывернутые корнями деревьев. Остальные были утоплены глубоко в почву, так что их почти не было видно. Он подозревал, что есть и другие, скрытые из виду.

«Ну, надо же». Дэниел бросил последний взгляд за спину, чтобы убедиться, что его никто не собирается похищать, затем поднял велосипед и перенес его над массивными корнями дуба.

Он подумал, что ему не показалось, будто воздух становится холоднее. Лес стал довольно густым, и зеленая листва почти не пропускала свет, а на ветках висели капли воды, которые падали ему за шиворот, если он случайно задевал их, и заставляли его вздрагивать.

Тропа хаотично петляла. В некоторых местах каменные плиты были расколоты проросшими сквозь них деревьями, образовавшими живописные группки. Дэниел не раз терял тропу, и ему приходилось некоторое время искать, где она продолжается. Ему не понравилось, что тропа так запущена. Он предположил,

что, возможно, есть еще одна дорога, которая ведет к усадьбе с другой стороны, и что владелец дома просто указал ему наиболее короткий, но давно заброшенный путь. Тем не менее, он чувствовал себя уязвимым. Птичьи крики казались искаженными, а деревья действовали на него угнетающе. Их стволы были настолько толстыми, что ему навряд ли бы удалось обхватить их руками.

Тропа пошла вверх, и Дэниел подумал оставить велосипед здесь, чтобы забрать его на обратном пути, но потом испугался, что потеряет его в лесу, и продолжал сжимать руль липкими пальцами. Лианы и ветки цеплялись за колеса, а тропа была такой неровной, что ему часто приходилось тащить велосипед.

Когда лес, наконец, расступился, Дэниел уже задыхался от усталости. На землю опускались сумерки, и предметы вокруг расплывались и меняли цвет. И без того уставшие мышцы болели от напряжения, но он все равно не смог сдержать улыбку, когда наткнулся на массивные железные ворота, преграждающие путь.

То есть, усадьба настоящая. Значит ли это, что и предложение о работе тоже не шутка? Впервые за несколько месяцев внутри него вспыхнула искра надежды. Затем он подошел ближе к воротам и снова впал в смятение, которое подействовало как холодный душ.

Перед ним возвышалась массивная железная конструкция с рядами жутких шипов наверху, которая выглядела невероятно старой и была покрыта толстым слоем ржавчины. Сквозь нее проросли лианы, обнимающие ржавые прутья. Часть конструкции разъело полностью, и она упала на землю, образовав небольшую брешь, через которую Дэниел смог войти. На небольшом расстоянии он, наконец, увидел дом, скрытый разросшимися деревьями с переплетенными ветвями. Ему удалось разглядеть темную крышу, выделявшуюся на фоне угасающего света.

Должно быть, это то самое место? Хотя ворота выглядят древними. На металлической планке, проходящей по центру ворот, были начертаны слова. Дэниел смахнул грязь и прочитал название – «Крейвен Мэнор».

Он все еще тешил себя надеждой, что пришел к дому с заброшенных дальних подступов. И не имело значения, что ворота в таком запущенном состоянии – почти на грани разрушения, – ведь никто и никогда не заходил на эту часть территории. А если судить по буйно разросшимся деревьям, то, видимо, и в этом

углу тоже давно никто не бывал.

Странно, что мне дали инструкции следовать этим маршрутом. Даже если этот путь короче, найти усадьбу практически невозможно.

Зазор в воротах был достаточно широк, чтобы протиснуться внутрь, но выбраться будет непросто. Он колебался, думая, стоит ли идти дальше – воображение рисовало картины, как его преследуют злобные сторожевые псы, и слюна летит из их пастей, когда они впиваются клыками в его лодыжки. Но он стиснул зубы.

Отчаявшимся не приходится привередничать.

Он прислонил велосипед к воротам и поднял ногу, просунул ее в щель и ступил на камень уже во дворе усадьбы. Дэниелу пришлось прижаться к ржавому металлу, когда он протискивался между створками, изо всех сил стараясь не порвать одежду, хотя руки его уже стали черными от грязи. Он бы не удивился, если б узнал, что к воротам не прикасались более века. Во всяком случае, так они и выглядели.

Он зацепился ногой за стебель лианы, споткнулся, но схватился за дерево и устоял. С наступлением темноты видимость уменьшалась, и Дэниел начал нервничать, представляя, как ему придется добираться в темноте домой. Но в письме говорилось, что они хотят, чтобы он немедленно приступил к работе. Да, садовник им требовался немедленно. Если он откажется и уйдет, владелец может подумать, что ему не нужна эта работа, и предложит ее кому-нибудь другому.

В стенах усадьбы тропа из каменных плит сохранилась лучше, но и здесь сорняки заглушили пространство между камнями. Растения расползлись за пределы своих границ неконтролируемыми клубами, борясь за пространство. Мертвых деревьев было почти столько же, сколько живых, хотя многие рухнули и медленно превращались в компост, благодаря работе крошечных насекомых. На пути к дому Дэниелу пришлось перелезть через несколько больших поваленных стволов.

Неожиданно раздался глубокий, продолжительный тоскливый крик, напугавший Дэниела. На дереве возле дома сидела стая ворон, похоже, наблюдая за

зданием. Двое из них обратились в бегство, когда Дэниел прошел под ними. Их массивные крылья засвистели, рассекая воздух. Он смотрел, как они уносятся прочь, а в их шелковисто-черных перьях отражается угасающий свет заката.

Затем он повернулся к дому, и последняя искорка теплившейся надежды, которую он так лелеял, погасла.

Особняк представлял собой большое трехэтажное здание, которое, казалось, вырывалось из-под земли, словно чудовище. Оно состояло из множества беспорядочных выступов и неровных карнизов. На фасадной стороне чернело более двух десятков окон, и стояло крыльцо из трех широких каменных ступеней, ведущих к деревянной двустворчатой двери в виде арки. Над крыльцом был сооружен навес, покоящийся на столбах, под которым могло легко укрыться человек двадцать. Все камни были старые, истертые и покрытые пятнами серо-зеленого лишайника. Рядом со зданием возвышалась башня, по высоте равная самой высокой точке крыши.

Дэниел оглянулся, как будто он проскочил мимо настоящего дома, но нет. Размеры здания пугали, а замысловатая черная каменная кладка действовала на нервы, но что еще хуже – весь дом находился в плачевном состоянии. Стекла в окнах были либо в трещинах, либо разбиты. Каменные стены покрыты сколами, пятнами и потеками от дождей. Крыша из темного сланца выглядела рваной в тех местах, где отвалилась черепица. Дом не ремонтировали, наверное, несколько десятков лет. Одна половина большой двустворчатой двери стояла открытой, но света внутри здания видно не было.

Когда Дэниел поднимался по истертым ступеням к входной двери, мертвые листья хрустели под его ногами. Дом был явно заброшен. Дэниел стоял и дрожал на верхней ступени, задаваясь вопросом, был ли он первым человеком, кто взошел на эти ступени за несколько десятилетий.

Кому принадлежит этот особняк? И почему они так запустили его?

Он подошел к двери. Одна из массивных деревянных створок была приоткрыта, словно приглашая его в холл. Нервы и любопытство Дэниела на мгновение вступили в схватку, но любопытство победило. Он прижал руки к бокам, наклонился вперед и заглянул внутрь.

Холл был огромным. Вдоль стен тянулось не менее двадцати дверей. В конце холла располагалась великолепная лестница, ведущая на второй и третий этажи. По центру лежал ковер, который выглядел даже более истертым, чем дорожки в многоквартирном доме Дэниела.

Вокруг камина, встроенного в стену справа, стояло четыре старых колченогих стула, хотя было совершенно очевидно, что камин давным-давно не разжигали. Дрова, сложенные рядом на подставке, были сухими и готовыми к топке, но на них лежал толстый слой пыли, как и на всем остальном.

Через входную дверь и разбитые окна залетали листья и пыль, разбегаясь по полу и нарастая сугробами по углам.

Что-то здесь не так. Уходи. Он стоял на пороге, подняв одну руку, как будто упираясь ею в открытую дверь, но все равно не хотел прикасаться к чему-нибудь еще в этом доме. Здесь никто не живет. Уже очень давно. Не задерживайся.

Дэниел уже собирался развернуться и уйти, но взгляд его упал на светлый предмет. В нескольких шагах от него, среди листьев и грязи, лежал конверт, положенный там, по-видимому, с единственной целью – чтобы его увидели, находясь у входной двери. Это был точно такой же конверт, как Дэниел получил в квартире, вплоть до элегантной надписи на лицевой стороне «Для Дэниела».

Глава 3

РАЗВОРАЧИВАЙСЯ И УХОДИ. Здесь что-то не так. Убирайся, пока еще можешь.

Дэниел нерешительно шагнул в холл, не отрывая глаз от белоснежного конверта с его именем, который отчетливо выделялся на окружающем коричнево-черном фоне.

Все, что здесь происходит, как минимум, странно. Не будь дураком. Разворачивайся и уходи!

Под ногами хрустнули листья. Дэниел облизнул пересохшие губы. Сердце колотилось от напряжения, но он не мог уйти просто так, не посмотрев, что в конверте. Обманчиво безобидный, он лежал в пяти шагах от двери, тихо ожидая его. Приближаясь к нему, Дэниел чувствовал, будто он падает в глубокую черную бездну. Свет едва проникал внутрь, и удаляясь от двери он с каждым шагом все больше погружался во тьму. Он протянул руку к конверту. На нем не лежала пыль в отличие от пола, мебели и массивной люстры над головой. Значит оставили его совсем недавно.

Дэниел поднял конверт и ощутил, что он тяжелее записки, оставленной в его квартире. Он бросил последний настороженный взгляд на дверь, немного опасаясь, что она захлопнется, и он не сможет выйти. Затем приподнял незапечатанный клапан и заглянул внутрь.

В конверте было письмо и два плоских круглых предмета. Сначала Дэниел вынул записку на двух листах. Как и в случае с приглашением в Крейвен Мэнор, первое сообщение было кратким и написано мелким почерком.

«Г-н Кейн,

В ваши обязанности входит поддержание чистоты и уход за склепом, а также, по мере возможностей, восстановление сада. Если вам понадобится что-либо из материалов или инструментов, положите записку с перечнем необходимых предметов на каминной полке в холле. Если вы захотите остаться здесь, вы можете занять дом садовника в дальнем углу сада. Оплата происходит еженедельно, при условии, что вы будете хорошо работать.

Бран»

Оплата еженедельно... На дне конверта позвякивали два кругляша. Дэниел положил их на ладонь. Это были монеты, но таких монет Дэниел никогда не видел. Они были размером с чернослив и довольно тяжелые. На аверсе красовался фамильный герб. Он подумал, что они, возможно, золотые. Это что, мое вознаграждение?

За первым листом бумаги тихо шелестел второй. Дэниел расправил его, чтобы прочитать.

«Правила:

– Посторонним вход на территорию запрещен.

– Не входите в башню.

– Не выходите из коттеджа садовника между полночью и рассветом.
Задерживайте шторы.

– Держите дверь запертой. Если слышите стук, не отвечайте».

«Окей». Слово прозвучало почти шепотом. Дэниел аккуратно сложил листы и сунул их обратно в конверт. «Да, нет, не стоило и мечтать».

Он, конечно, был в отчаянии, но пока в своем уме. Зброшенный дом, письма и зловещие правила – все смешалось и беспорядочно бурлило, оформляясь в одну простую мысль: «Нет, это все не для меня». Он поступил безрассудно, когда решил проследовать по заросшей тропе к тому, что, как он теперь подозревал, и было парадным входом в усадьбу. Еще большим безрассудством было входить в заброшенное здание только потому, что он увидел записку со своим именем. Сogласиться работать здесь садовником фактически означало бы внести себя в список пропавших без вести.

По зданию эхом разнесся скребуший звук. Казалось, он шел с одного из верхних этажей и звучал так гулко, так раскатисто, что Дэниел отпрянул. Он ждал, что наверху лестницы появится нечто или некто, но темные, покрытые паутиной верхние залы оставались пустыми.

Может, животное? Через разбитые окна могли проникнуть те же вороны. Он был почти уверен, что он здесь один, но нервы его были на пределе, и ему не хотелось задерживаться, чтобы убедиться в обратном.

В левой руке у него все еще были зажаты монеты. На эти деньги можно купить еды сегодня вечером, и, наверное, питаться еще несколько дней. Но он не был вором и не хотел неприятностей. Он сбросил монеты обратно в конверт, а конверт положил туда же, где и нашел – на мраморный пол, покрытый сухими листьями. Затем он попятился к открытой входной двери, непрерывно осматривая холл и верхние залы, пока не вышел.

На дереве у входа в дом осталась одна огромная ворона. Она выглядела совсем старой: перья приобрели пыльно-серый оттенок, движения стали медленными. Но, когда Дэниел сбегал по широким стертým ступеням перед домом, она наблюдала за ним, как хищник за добычей.

Дэниел двинулся в заросший сад, когда уже исчезли последние блики дневного света и опустилась ночь. В темноте он растерялся и не мог вспомнить дорогу к воротам. Из земли там и тут торчали плиты, но, казалось, они вели в разные стороны. Он выбрал одну из троп, молясь о том, чтобы выбор был верным, и протиснулся меж двух колючих кустов в поисках выхода.

За спиной у него стоял дом и, казалось, наблюдал за ним. Так много окон, и все – черные, холодные. Если бы внутри действительно кто-то жил, они бы, наверное, наблюдали за ним, скрытые в полной тьме, окруженные паутиной и пылью.

Сама мысль казалась смешной. Ну кто бы смог жить в этом месте, когда оно в таком ужасном состоянии. Но тогда кто послал письмо? Почему они хотят восстановить сад?

В инструкциях упоминался склеп, но Дэниел не заметил ничего подобного, пытаюсь найти выход. Сооружение либо скрывалось за домом, либо так оплетено растениями, что его почти невозможно обнаружить. Он продолжал продвигаться вперед и наткнулся на небольшую поляну. Вокруг пустой купели для птиц стояли мраморные статуи, покрытые водяными разводами, которые создали у Дэниела впечатление, что камень плачет. Скульптуры изображали женщин, кентавров и минотавров, поднимающихся из треснувших столбов, головы подняты к небу, а челюсти раскрыты в безмолвных криках. Дэниел старался не смотреть на них.

Он помнил, что, когда шел в усадьбу, никаких скульптур по дороге не видел. Он судорожно провел руками по волосам, пытаюсь избавиться от нарастающей

паники.

Вдруг раздался громкий шорох крыльев, Дэниел вскрикнул и споткнулся об одну из статуй. Он схватился за камень и отпрянул от темной фигуры, возвышавшейся над ним.

Над головой пролетела стая ворон. Это их крылья производили громкие звуки – слишком громкие для птиц. Но они улетели в считанные секунды. Дэниел судорожно сглотнул, выдохнул и ослабил хватку. Он держался за статую гречанки, льющей воду из кувшина, одежда ее немного соскользнула с плеча, обнажив изящное тело. В изгибах статуи скопилась грязь, окрасив их в темные цвета... особенно вокруг глаз, и она выглядела так, будто плакала.

Когда Дэниел отошел от нее, в груди у него что-то болезненно сжалось, а сердце стучало, как ненормальное. И тут он увидел высокий каменный забор между двумя деревьями. Он двинулся налево, обогнул колючие кусты, прошел мимо высохшего фонтанчика. Заросли были густыми, и на его пути возникла металлическая преграда. Он перелез через нее, услышав, как застонал от напряжения металл, затем перевалился на другую сторону. Впереди наконец замаячили ворота, и его охватило облегчение, согревая и заставляя спешить.

Остальную часть пути до ворот он бежал, перепрыгивая через растения, и даже не обратил внимания, как зацепился рубашкой за мертвую ветку, которая проделала дыру в рукаве. Он добрался до железных ворот и протиснулся сквозь узкую щель. Велосипед ждал его там, где он его и оставил. Дэниел закинул его на плечо, несколько не переживая о том, как устало его тело.

Он бросил последний взгляд на Крейвен Мэнор. Деревья скрывали все, кроме рваной крыши из темного сланца и части башни. На секунду ему показалось, что в окне башни что-то двигалось, но он решил, что это, должно быть, зрение подшучивает над ним.

* * *

– Привет, я вернулся.

Дэниел толкнул дверь квартиры и, прежде чем войти, долго соскребал грязь со своей обуви. Он знал, что выглядит ужасно. Он чувствовал, что в его волосах застряли листья, а руки были грязными от того, что он хватался за деревья и ворота. Но хотя бы велосипед вернулся из путешествия целым и невредимым.

– Ты не поверишь, во что я вляпался...

– Привет.

В гостиной на диване рядом с Кайлом сидел незнакомец. Его длинные волосы были собраны в хвост, на рубашке вокруг подмышек темнели пятна пота. И он, и Кайл играли в стрелялку, но, когда Дэниел вошел в комнату, Кайл остановил игру.

– Привет, чувак.

Кайл откинулся на спинку дивана и усмехнулся, но выглядел так, будто он едва сдерживал смех. Что-то в выражении его лица заставило Дэниела почувствовать, что объектом смеха является именно он.

– Что-то ты долго добирался до дома. Мы же с тобой говорили о третьем соседе? Так вот, знакомься, это Флетч.

– Привет, – снова сказал Флетч, на этот раз оторвав большой палец от пульта в знак приветствия.

– Ээ, хм, – Дэниелу удалось выдавить смешок. – Быстро, однако.

Кайл почесал пультом подбородок.

– Ага, он расстался со своей девушкой, так что немного поживет с нами. Он будет жить в твоей комнате. А ты устроишься на кушетке, окей?

Дэниел стоял, открывая и закрывая рот. Все происходило слишком быстро. Он был измучен и голоден, и единственное, чего ему хотелось, – это вернуться домой, принять душ и лечь в постель.

– Вообще-то, мне бы хотелось остаться в своей комнате, если никто не возражает.

– Там нет места для второй кровати, – Кайл пожал плечами, как будто хотел сказать «ну что ж тут поделаешь». – А здесь Флетчу будет неудобно. Уличный фонарь светит в окно кухни и не дает уснуть.

– Бессонница, – согласился Флетч.

– А значит, ему нужна комната. Он работает в закусочной «Рыба и картофель фри», и его смена начинается рано, поэтому ему нужно спать.

– погоди, – Дэниел провел пальцами по волосам, стряхивая листья, грязь и маленького паука, устроившегося в них. – Я думал, ты говоришь про одного из своих коллег по работе?

– Ну да, я обедаю у них, – Кайл хлопнул Флетча по плечу, затем встал и развернулся вокруг стула, чтобы вторгнуться в личное пространство Дэниела. – Дело в том, что он платит, а потому получает комнату.

– Но... я же тоже... – голос Дэниела напрягся, и в нем послышалась смесь отчаяния и разочарования. – Я же всегда вовремя отдаю тебе деньги. Всегда!

– Да, но ты больше ни во что не вкладываешься. Еда, пиво, новые игры. Все это стоит денег. Так что, пока не выберешься из своей задницы и не найдешь работу, тебе придется довольствоваться тем, что дают, окей?

Дэниел вспыхнул от несправедливости сказанного. Он никогда не ел еду Кайла, даже в те дни, когда у него не было своей. Но он знал, что имел в виду его двоюродный брат: у Флетча были деньги, и он мог потратить их на удовольствия, которые Дэниел не мог себе позволить. Удовольствия, в которых может поучаствовать и Кайл.

Кайл насмешливо похлопал его по щеке, и от этого жеста у Дэниела вскипела кровь.

– А будешь себя хорошо вести, Флетч сможет помочь тебе с работой. Например, будешь мыть у них посуду или что-нибудь в этом роде. Они не особо придираются, когда нанимают людей для такой работы.

– У меня есть предложение о работе, – слова вылетели изо рта прежде, чем он успел подумать, разумны ли они. – Садовником. С хорошей оплатой. Проживание включено. Так... так...

Отвисшие щеки Кайла затряслись, когда он попытался сдержать смех.

– Кем? Садовником? Это что, реальная работа? Ой, не разыгрывай меня.

– Я и не разыгрываю. Вот письмо!

Он вытащил из кармана конверт и взмахнул им перед носом Кайла, но его двоюродный брат уже повернулся к дивану с небрежным «Пфф!».

Флетч одной рукой вытащил горсть чипсов из пакета рядом, а другой возобновил игру.

– Ах да, я вынес твои вещи из комнаты, чувак. Они в коридоре. Приношу извинения за неудобства и все такое.

* * *

Приношу извинения за неудобства и все такое. Эти слова крутились в голове Дэниела, пока он лежал без сна, глядя на желтоватый потолок их квартиры. Как и было обещано, спал он на кушетке. Она была слишком короткой, и он не смог вытянуть ноги. Кроме того, на ней остались следы рвоты Кайла. Уличный фонарь за незанавешенным окном кухни отражался от стены не хуже ночника. Приношу извинения за неудобства...

Он повернулся на бок и сжал руки в кулаки под подушкой. Ему всегда удавалось найти достаточно денег на свою долю арендной платы. За комнату, а не за кушетку. Он попытался договориться о снижении платы, пока Флетч будет жить с ними, но Кайл остался непреклонен. Им нужны были дополнительные деньги для оплаты коммунальных услуг.

Коммунальных услуг и новых игр. Дэниел сердито посмотрел на коробочки, выстроенные рядом с телевизором. У Кайла их было не меньше двух дюжин, и очередная игра появлялась раз или два в месяц.

Я не могу так жить. Но... и деваться мне больше некуда. Так ведь?

В его голове всплыли слова, которые он произнес в свою защиту. У меня есть предложение о работе. И это было правдой. Предложение о работе в жутком заброшенном доме от человека, которого он никогда не видел, но который обещал ему платить золотыми монетами. Но монеты-то были настоящими. Дэниел держал их в руках. Если все мероприятие было розыгрышем или какой-то извращенной шуткой, почему они вложили монеты? Ведь Дэниел мог украсть их и сбежать?

Это означало, что его либо разыграл какой-то богач – как в телешоу, когда задача состоит в том, чтобы посмотреть, до какого безрассудства может дойти безработный человек, либо предложение было настоящим.

Дэниелу удалось рассмеяться, но смех быстро утих. Неужто это настоящая работа? Никаких шуток и никаких убийц, жаждущих заполучить мои органы? Если их цель состояла в том, чтобы заманить меня в отдаленный район, то они ее достигли. Зачем же оставили монеты? Почему не напали, пока я пребывал в растерянности? А если это действительно какое-то телешоу или что-то в этом роде, то мне, по крайней мере, должны заплатить компенсацию в конце, разве не так?

Дребезжал холодильник. Сквозь тонкие стены был слышен храп Кайла. Из-под двери комнаты, которая когда-то была комнатой Дэниела, доносился запах травки. Он отбросил одеяло и встал.

Перешагивая через пустые пакеты из-под чипсов и пивные банки, Дэниел пробился к своим вещам, которые были беспорядочно свалены в кучу в коридоре. Сунул в обшарпанный рюкзак смену одежды и вещи, наиболее дорогие его сердцу. Часы на стене показывали пять утра. Скоро взойдет солнце и осветит ему дорогу в усадьбу Крейвен Мэнор.

С КАЖДЫМ ВДОХОМ ТУМАН все больше окутывал лицо Дэниела. Он дрожал от холода, хотя достал из рюкзака и накинул на себя всю теплую одежду. Он шел пешком по тропе из каменных плит, ведущей к воротам усадьбы, нес велосипед и тихо ругал себя за упрямство.

Даже если меня убьют, это все равно будет лучше, чем снова оказаться бездомным. Тыльной стороной ладони он вытер хлюпающий нос и старался выбросить воспоминания из головы. Он вечно был голоден. Вечно мерз. Если он пытался присесть где-нибудь под навесом во время дождя, владельцы всегда просили его уйти. Школьники, всего на несколько лет моложе, смеясь, пинали его ногами.

И, что хуже всего, обычно люди его просто игнорировали. Когда у тебя нет дома, ты как будто становишься невидимкой. Они шагали мимо в толстых пальто, несли горячий кофе или ели гамбургеры. Их взгляды лишь ненадолго задерживались на нем, как если бы он был непривлекательной частью пейзажа. С ним никто никогда не здоровался – на него даже старались не смотреть. И это чувство вызывало в нем постоянный страх, что мир его позабудет.

Он полагал, что именно поэтому так часто позволял Кайлу диктовать правила. С Кайлом они встретились днем на улице, и тот узнал его и пригласил жить вместе. Кайл был упрямым, незрелым и напористым, но все же он обратил внимание на Дэниела, когда все остальные просто не замечали его.

Дэниел замедлил шаг. Когда он подошел ближе к особняку, в его голове снова зашевелились опасения. Если это действительно настоящая работа, то владелец особняка, надо думать, представляет собой нечто среднее между чудаком и безумцем. Даже если планы Брана исключали откровенную злонамеренность, работа все равно могла быть опасной.

Велосипед зацепился колесом за корень, и Дэниелу пришлось остановиться, чтобы высвободить его. Нахмурившись, он снова ускорил шаг. Даже если работа окажется опасной, она все равно будет приносить реальные деньги, и платят ему авансом. Он может отнести монеты в обменник и начать что-то планировать, исходя из их стоимости.

А вот и кованые железные ворота. В утреннем свете они выглядели еще более трагично, особенно теперь, когда он видел, какими великолепными они, наверняка, были когда-то. Железо сплеталось в замысловатые узоры, навеянные атмосферой старинных изысканных особняков аристократии. Как и накануне, он оставил велосипед у ворот и протиснулся сквозь щель. Он старался не дрожать, когда его пальцы коснулись холодного металла.

Накануне вечером ему не удалось подробно разглядеть сад, но, похоже, все поместье стояло запущенным, как и ворота. Когда-то эта территория выглядела живописно и изысканно с полным набором экзотических экспонатов, за которыми тщательно ухаживали. Но царившее здесь запустение превратило ее в нечто одичавшее и жалкое. Сухие ветви деревьев переплелись с живыми. Упрямые растения подавляли своих более слабых соседей. Активно усердствовали корни и побеги, выворачивая каменную ограду сада. Дэниел прижал ладонь ко лбу, пытаясь представить, что может снова обуздать все это буйство.

На деревьях у ворот сидели вороны, скорбно каркая, когда Дэниел проходил под ними. Пробираясь через сад, он не сводил глаз с особняка, в равной мере надеясь и опасаясь, что его хозяин вернулся ночью. Но окна оставались холодными.

Он шел вдоль ограды, пытаясь определить, насколько велика усадьба, и обнаружил деревянный дом, угнездившийся между тремя древними деревьями. Он был невелик, но, похоже, в нем была пара комнат. Участок у входной двери зарос, насколько он смог определить, лавандой и кустарником, каменная тропа, ведущая к нему, была чистой. Он обошел строение и увидел небольшой сарай, притулившийся сбоку. Дверь была распахнута и болталась на ржавых петлях, которые протяжно заскрипели, когда он нажал на них. Окна были слишком грязными и почти не пропускали свет, но он увидел множество глиняных горшков, металлических леек, тачку, секатор и садовую мотыгу, расположившиеся между полками.

Ага, это коттедж садовника. В письме говорилось, что я могу здесь жить. Надеюсь, это значит, что можно войти внутрь?

Он закончил обход вокруг дома и повернулся к особняку. Из коттеджа садовника ему было видно башню и несколько окон, паливших с каменных стен. Пока он смотрел, с деревьев слетела ворона и опустилась на крышу здания. Он потер

предплечья в надежде избавиться от мурашек.

Дэниел попытался заглянуть внутрь через маленькое окошко во входной двери коттеджа, но было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо, кроме расплывчатых силуэтов. Он вздохнул и потянул за ручку. Дверь распахнулась.

В коттедже садовника было значительно чище, чем в главном доме поместья. На поверхностях также лежал слой пыли, но он был тонким и не таким плотным, как в особняке. Планировка и мебель – кухонный уголок справа, кровать слева и камин прямо перед ним – были простыми, но все выглядело удобно и чисто. Комната, конечно, была далеко не такой роскошной, как в главном доме, но все же выглядела намного лучше, чем грязная комнатуха, в которой он жил в квартире Кайла.

Дэниел поставил рюкзак рядом с кроватью и начал знакомство с домом. Ящики прикроватных тумбочек и шкаф были пустыми, но кухонные шкафы оказались полны запасов. Дэниел удивленно заморгал, увидев ряды банок и коробок, затем начал их вытаскивать. Консервированные овощи в жестянках, печенье, чайные пакетики и даже буханка хлеба – все было свежим. Хлеб был куплен, наверное, пару дней назад и только начал черстветь, но на это Дэниел не стал бы жаловаться. Он бросил последний нервный взгляд на дверь, затем вскрыл пакет с хлебом и засунул сразу два ломтя себе в рот. В процессе он осматривал запасы еды – ее было достаточно, чтобы нормально питаться пару недель.

Значит кто-то совсем недавно посещал усадьбу. Может, они даже были здесь, когда я вчера заходил в особняк. Но кто? Человек, подписавшийся под письмом, Бран? И вообще, что это за имя – Бран[2 - Бран (англ. Bran) – отруби, высеки, также марка хлопьев для завтрака.]?

У Дэниела возникла новая теория, которая, похоже, помогла ему снять груз с сердца. Возможно, кто-то унаследовал особняк и хотел бы привести его в порядок перед переездом. Если они наняли Дэниела для работы в саду, значит они могли нанять и других людей для уборки главного дома. Конечно, эта теория не объясняла всего остального: например, почему он получил предложение о работе письмом, которое просунули под дверь, а не использовали более традиционный способ, но тем не менее в нем снова проснулась надежда.

Дэниел осторожно поставил на полки то, что вытащил, закрыл дверцы шкафа, и открыл кран, чтобы напиться. Но ничего не вышло – в трубах рокотало и гудело, будто там застрял крупный грызун. Дэниел наклонился, чтобы посмотреть, не перекрыта ли труба. Он протянул руку к крану, чтобы выключить, но в страхе отдернул ее – в раковину хлынула темная густая жидкость.

В шоке он уставился на струю, которая вырывалась из крана, напоминая адский поток гнойно-кровянистых выделений, забрызгивающих раковину и грозивших забить сток. Но прошло несколько секунд, и вода из-под крана стала прозрачной. Еще минуту Дэниел потратил на то, чтобы смыть всю эту гадость в канализацию, но так и не смог заставить себя попить.

У камина были сложены свежие дрова и стояло ведро с щепой для растопки. В доме было темно и холодно, но Дэниел не хотел тратить время на разжигание огня, потому что солнце за несколько часов согреет комнату. Он оставил дверь коттеджа приоткрытой и вернулся в сад.

Он – мой. Эта мысль немного встревожила его, но когда он посмотрел на окружающие его спутанные заросли, то вдруг понял, что это правда. Конечно, сад не принадлежал ему, но он был готов укротить и приручить его и был бы счастлив ухаживать за ним. Он вспомнил, как работал вместе с бабушкой: копал ямку руками в перчатках, а она помещала в нее новый цветок и держала, пока он соскребал грязь с корней. Даже когда химиотерапия уже делала свое черное дело, и бабушке было слишком трудно стоять на коленях рядом с ним, она сидела в тенечке, советуя и подбадривая его, пока он обихаживал растения.

В глазах защипало. Он потер их тыльной стороной ладони и стиснул зубы. Заросли вокруг особняка совсем не походили на аккуратный тщательно разбитый сад бабушки, но он уже видел, как сможет преобразить их.

Ему захотелось просмотреть свои запасы, но дневной свет никак не мог пробиться сквозь серые облака, плотные кроны деревьев и запотевшие окна сарая. На столе под окном коттеджа стояла лампа и лежал коробок спичек, очевидно, специально для такой ситуации, с которой столкнулся Дэниел. Он вытряхнул спичку и зажег лампу. Как только пламя разгорелось, он прошел к небольшому сараю, пристроенному прямо к дому.

Металлическая дверь никак не хотела открываться, и ему пришлось как следует толкнуть ее. По сравнению с коттеджем, где совсем недавно был наведен порядок и куплены необходимые вещи, в сарай явно не заглядывали со времен заселения особняка. Все было покрыто грязью и паутиной, а металлические части орудий полностью заржавели и были абсолютно непригодны к использованию. Да и их конструкция была практически антикварной. Дэниел не очень хорошо знал историю, чтобы точно определить период, к которому они принадлежали. Но он видел похожие инструменты в фильмах, действие которых происходит в эпоху Регентства.

Больше ста лет – трудно поверить, что этот дом был так долго заброшен. Но если поглядеть на всю эту грязь и запущенность, то не так уж и невероятно.

Он перебирал инструменты, чтобы понять, что можно спасти, а что нужно заменить. В итоге, осталось лишь несколько глиняных горшков, которые чудом не растрескались, и лопата, сохранившаяся лучше, чем большинство других инструментов, но все остальное оказалось бесполезным.

Бран сказал, что я могу попросить новые инструменты, оставив записку на каминной полке. Дэниел вышел из сарая, чтобы посмотреть на особняк. Насколько ему было видно, ни в одном из окон так и не загорелся свет. Как часто он приходит за сообщениями? Раз в день? Раз в неделю? А если он вообще не появится? Думаю, я смогу купить необходимое сам, если хватит денег.

На столе в коттедже Дэниел нашел блокнот и ручку. Он выдвинул стул и удивился его тяжести. В квартире Кайла он привык к легкой мебели, сделанной из фанеры или непрочного алюминия. Мебель в коттедже была изготовлена из цельного дерева, и он с удивлением обнаружил, что она ему очень нравится.

Он сидел над листом бумаги и гадал, стоит ли ему поблагодарить Брана за то, что тот предложил ему работу, или это будет выглядеть странно. Потом решил, что пусть сообщение будет профессиональным и простым, как сообщение Брана. Если повезет, то, может, через несколько дней, ему удастся познакомиться со своим таинственным работодателем. В личном разговоре Дэниелу будет легче понять, что от него требуется.

«Бран,

Для работы мне понадобятся следующие инструменты:

– тачка

– ножницы

– пила

– рабочие перчатки

– лопата».

Он подписался и сложил лист пополам. Ему бы пригодилось еще с полдюжины инструментов, но Дэниел не хотел показаться жадным или слишком привередливым в первый же день. Держа в одной руке бумагу, а в другой лампу, он начал пробираться через садовые заросли.

Над ним кружили вороны, и их скорбное карканье разносилось по всей территории усадьбы, будто они в нетерпении ждали момента, когда смогут слететься на труп и начать клевать его плоть. Он низко опустил голову, прижав подбородок к груди, и двигался настолько быстро, насколько позволяли окружающие его «джунгли». У Дэниела началась отдышка, когда он поднимался по трем ступеням у главного входа в особняк.

Одной рукой он оперся о дверь, вторую, державшую лампу, протянул внутрь. Свет изо всех сил пытался добраться до темных углов просторного холла, и все было лучше видно, чем прошлой ночью. Он переместил лампу, чтобы рассеять тени, окутывающие камин, и вдруг увидел, как за ним пристально следят два оранжевых глаза.

ДЭНИЕЛ ПОТРАСЕННО ОХНУЛ и быстро отступил от двери, ударившись спиной о колонну навеса. Он прижался к ней на мгновение, пока его разум боролся с самыми разнообразными порывами, а затем сделал осторожный шаг вперед.

Глаза мерцали низко – примерно на уровне мраморного пола, в пространстве между стульями, расставленными вокруг камина. Дэниел снова заглянул в дверной проем, задержав дыхание и протянув руку с лампой как можно дальше. Глаза исчезли, и там, где он их увидел, было пусто.

– Здравствуйте?

Его голос эхом разнесся по всему зданию, отразившись в десятке самых разных углов. Он облизнул губы в ожидании ответа, затем сделал еще один шаг в дом.

– Прошу прощения, я не хотел вторгаться...

Краем глаза он заметил быстрое движение и вздрогнул. Трепещущая тень двигалась вдоль стены у камина, превращаясь в небольшого черного кота. Мигая оранжевыми глазами, кот уставился на Дэниела, который нервно рассмеялся, хотя мышцы его стянуло от напряжения.

– Привет, малыш. Как ты меня напугал. Наверное, и я тебя тоже напугал, да?

Он присел на корточки и поставил лампу рядом, затем протянул одну руку, чтобы посмотреть, сможет ли он уговорить кота подойти поближе. Кот не шипел и не пушил хвост, что было хорошим знаком, но, казалось, он был совершенно равнодушным к приглашению. Он сидел прямо, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на стену за спиной Дэниела.

– Кыс-кыс, я – друг, – нараспев продолжал он, подбираясь ближе. – Я просто хочу поздороваться, малыш. Не бойся.

Он уже подобрался достаточно близко – еще несколько шагов, и он смог бы прикоснуться к коту, но тот встал и побежал прочь. Хвост его был опущен, уши слегка развернуты в его сторону, но он не убегал в поисках убежища. Вместо этого он остановился возле лестницы и снова уселся в ту же позу, обернув хвост вокруг лап.

Сердце Дэниела сжалось. Когда кот шел, он заметил, насколько тот тощ. Кости торчали под острыми углами, и можно было пересчитать все ребра под кожей. Кота никто не кормил, а той добычи, которую он ловил, явно было недостаточно, чтобы прокормиться. От этой мысли его затошнило.

– Подожди здесь минутку, малыш, – он сглотнул и попятился, изо всех сил стараясь не напугать кота, который почти не смотрел на него. – Я сейчас вернусь.

Он медленно добрался до двери, вышел и, развернувшись, побежал к дому садовника. Кот не пуглив, значит, когда-то у него был хозяин, и он жил в доме. Кот не мог добраться сюда из ближайшего города – слишком далеко. Но последние пару десятков лет в особняке никто не жил. Как он сюда попал?

Он заскочил в коттедж, поскользнулся на деревянном полу и повернулся к кухне, вспомнив, что видел в шкафу банку с тушенкой «Спэм»[3 - «Спэм» (от англ. Spam) – торговая марка консервированного мяса, производимого в США.]. Это, конечно, не идеальный корм для кошек, но лучше он, чем ничего. В одном из ящиков Дэниел нашел тарелку, открыл банку и положил несколько ложек вязкого розового желе.

Возвращение в особняк заняло больше времени, поскольку он изо всех сил старался не опрокинуть тарелку, перелезая через мертвые деревья. Он начал переживать, что кот уже ушел, но, когда снова вошел в холл, тот так и сидел у лестницы. В свете лампы его шерсть тепло сияла. Когда-то она, наверное, была блестящей, но со временем стала грубой. Кот наострил уши, и Дэниел улыбнулся:

– Вот, малыш. Я принес тебе немного еды.

Он снова опустился на корточки и стал подбираться к коту, протягивая ему тарелку. Кот взглянул ему в глаза, затем быстро повернулся, взмахнул хвостом и начал подниматься по лестнице.

– Подожди, вернись! Еда, котик, еда!

Я разговариваю с котом, как идиот. Но Дэниел ничего не мог с собой поделать. Он схватил лампу и последовал за котом, выставив перед собой тарелку, как

будто таким образом он мог его соблазнить. Кот не выглядел испуганным. Казалось, что Дэниел просто наскучил ему, поэтому на следующей площадке он снова повернул и направился на третий этаж.

Из-под его лап при каждом шаге взметались крошечные облака пыли. Чем выше они взбирались, тем больше паутины свисало с перил и архитравов[4 - Архитрав – горизонтальная панель, опирающаяся на ряд опор, обычно это балочное перекрытие, поддерживающее верхнюю часть здания.]. Она цеплялась за руки Дэниела, если он не был осторожен. А когда он почти добрался до третьего этажа, большая невидимая липкая сеть накрыла его лицо. Он остановился, брезгливо скривившись, и попытался вытереться, не уронив тарелку с едой или лампу. Пока он убирал пелену с глаз, кот исчез в тени.

– Эй? Малыш? – Дэниел вытянул шею в надежде увидеть своего маленького друга.

Свет лампы не доставал так далеко, как ему хотелось, но подчеркивал сложную лепнину вдоль потолка и завитки на резных балюстрадах ручной работы. Он встал у перил и увидел, как простирается под ним огромный великолепный холл, трагичный в своей заброшенности.

Он понимал, что надо спуститься на первый этаж и вернуться обратно в коттедж. В письме ему не запрещалось исследовать дом, но он не мог избавиться от чувства, что вторгается в чужие владения. Пыль под его ногами была плотной, и можно было сказать, что здесь давно не ступала нога человека. Кроме того, он пока не хотел сдаваться и надеялся накормить голодного кота.

– Кыс-кыс, котик, вернись, пожалуйста.

Дэниел преодолел последние шесть ступенек и оказался на площадке третьего этажа. Лестница выходила на открытое пространство площадью не менее двенадцати квадратных футов. Слева и справа от него тянулись коридоры, их концы терялись в темноте. Несмотря на возраст, бронзовые обои и синий ковер смотрелись очень красиво, а на стенах галереи висели картины. В коридорах было жутко тихо, словно они спали.

Прямо перед ним в глубь дома уходил короткий коридор. Пол в нем был каменный, без коврового покрытия, и в конце была одна-единственная

массивная деревянная дверь.

Она казалась очень толстой – даже толще, чем входные двери, и была выкрашена в черный как смоль цвет. Словно замороженный, Дэниел поднял лампу и приблизился к двери. У основания двери на камнях лежали крошечные кристаллы, сверкавшие в свете лампы. На черном как смоль дереве ярко-белой краской был нарисован символ: круг, перекрытый крестом. Дверь оказалась заперта на четыре массивных замка. Но металл настолько проржавел, что Дэниел смог бы сломать их без особого напряжения.

Что это за место?

Он быстро понял, на что смотрит: вход в башню. Ту самую, входить в которую запрещалось.

Тревожный вздох сорвался с его губ. Он сделал шаг назад, и по рукам крошечными пауками пробежал озноб. Не входите в башню...

Дэниел сглотнул и посмотрел через плечо, чтобы убедиться, что он один. Даже когда он не смотрел на дверь, он чувствовал ее присутствие: массивное, устрашающее, угрожающее. Что там хранит Бран? Конечно, он там не живет. Если бы он там жил, снаружи не было бы никаких замков.

Дэниел поставил лампу и потянулся к двери. Он просто не мог остановиться. Он не хотел дотрагиваться ни до одного из четырех замков, но хотел узнать, что за тайна там скрывается. Пальцы коснулись дерева в центре нарисованного креста, и он мгновенно отдернул руку. Внутри дерева что-то гудело, словно по нему шел слабый электрический ток. Внезапно он почувствовал, будто весь его мир находится в секунде от разрушения, тени ожили и поползли к нему, шевеля длинными тонкими пальцами с острыми когтями, которые тянулись к его горлу, обещая жестокую расправу.

Не входите в башню...

Он схватил лампу и бросился к лестнице. Удерживая тарелку и лампу в одной руке, второй он вытер пот, заливавший ему глаза. Его шаги звучали в тишине барабанным боем, эхом отражавшемся в сотне укромных уголков по всему особняку. Он почувствовал себя карликом перед этим зданием-великаном.

Воздух внутри стал спертым, и Дэниел начал задыхаться. Он судорожно пытался поглубже вдохнуть, но воздуха все время не хватало. Голова закружилась. Хватая ртом воздух и дрожа, он остановился на площадке второго этажа, чтобы подождать, пока утихнет головокружение.

Ощущение удушья исчезло, и он понял, что перенервничал. Он поставил лампу на пол, покрытый ковром, и прислонился спиной к пыльным перилам. Держись, Дэниел. Бояться нечего.

Если Бран не хочет, чтобы он заходил в башню, значит так тому и быть – его это устраивает. Он видел достаточно фильмов ужасов, чтобы знать, что происходит с людьми, когда они открывают двери, которые не должны были открывать, и поэтому его желание остаться живым и невредимым было гораздо сильнее любопытства.

Когда паника утихла, Дэниел решил осмотреться. Лестничная площадка на втором этаже была такой же, как и на первом: слева и справа – коридоры, все двери закрыты, стены покрыты золотом и темной припорошенной пылью синевой. Картина на стене перед ним была больше, чем все, что он видел раньше. Она была больше самого Дэниела, и доминировала в пространстве. Дэниел запрокинул голову, чтобы рассмотреть, что на ней изображено.

Это был портрет девочки одиннадцати-двенадцати лет. Светлые волосы – такие светлые, что казались почти белыми – каскадом ниспадали по спине и вились нежными прядями вокруг лица. Большие голубые глаза смотрели на Дэниела. Он нахмурился, пытаясь понять, что выражает ее лицо: в глазах светилось любопытство, а уголки ангельских губок были слегка приподняты. Но все вместе, ее черты передавали ощущение уязвимости, а, возможно, даже страха.

Дэниел поднял лампу, чтобы получше разглядеть детали. Пастельно-голубое платье девушки относилось к эпохе Регентства, может, к чуть более раннему периоду. Щеки были нежно-розовыми, но кожа на лице и руках выглядела очень бледной, как у привидения. Девушка позировала на фоне лилий. На платье приколот брошь. Орнамент украшения показался Дэниелу знакомым, но он не смог определить, где видел его раньше.

На золотой пластине, вставленной в рамку портрета, было начертано имя. Дэниел натянул рукав куртки на руку и смахнул им пыль. Аннализа Мирикс.

– Кем вы были при жизни, Аннализа?

Платье выглядело дорогим. Прическа казалась простой, но волосы были тщательно уложены. Голубые глаза, такие выразительные и в то же время такие загадочные, казалось, следили за ним, когда он двигался.

Наверное, какая-то знатная особа. Картина была огромной и написана с большим мастерством. Позолоченная, тщательно подобранная рама. Расположение картины тоже было продумано – она сразу привлекала внимание. Ее видел каждый, кто поднимался по лестнице, и Дэниел подозревал, что при достаточном освещении ее можно увидеть и из холла, если стоять в нужном месте.

Хотя было немного странно, что она изображена тут такой юной. Большинство исторических семейных портретов, которые Дэниел видел, изображали взрослых людей или целые семьи.

Внезапно Дэниелу захотелось больше узнать о семье, владевшей усадьбой Крейвен Мэнор. Он поставил тарелку со «Спэмом» на ковер у лестницы. Записка запрещала ему входить в башню, но там ничего не говорилось об остальной части дома. Уж в парочку-то комнат, наверное, можно заглянуть?

Дэниел посмотрел на коридор. Казалось, он тянулся бесконечно – свет не доставал до конца, что был скрыт в густой тени. Он потер шею, ощущая, что ее начало покалывать от волнения, затем нерешительно шагнул влево.

Все двери были высокими, темного дерева, и плотно закрыты. Дэниел потянул за ручку на двери ближайшей комнаты. Металл скрипел и сопротивлялся, но в конце концов раздался щелчок, и дверь открылась. Деревянная створка распахнулась, и Дэниел, чувствуя себя очень неудобно, вошел внутрь.

Глава 6

ЯРКИЕ НАСЫЩЕННЫЕ ЦВЕТА ударили по глазам. Несмотря на пыль, ярко-красного и золотого было слишком много. Это помещение скорее всего служило

гостевой комнатой. В левой ее части стояла большая кровать с балдахином. У правой стены расположилась тумбочка с умывальником.

Дэниел осторожно передвигался по комнате, стараясь не касаться антикварных вещей. Все говорило о том, что здание можно отнести к тому же периоду, что и картину – немногим более двухсот лет. Окна были плотно закрыты, и благодаря этому комната очень хорошо сохранилась, но возраст все равно не получилось бы скрыть. Раковина в пятнах и с длинной трещиной. На матрасе по центру – сгнившее углубление. Длинные портьеры по обе стороны от большого окна были изъедены молью и почти превратились в тряпки.

Дэниелу захотелось посмотреть на вид из окна. Стекло было мутным и засаленным, покрытым грязью, копившейся в течение нескольких поколений. Но отсюда он мог разглядеть если не весь сад, то большую его часть. Дэниел наклонился ближе и задержал дыхание, чтобы стекло не запотевало.

Сад оказался больше, чем он думал. У дальней границы слева находился его коттедж садовника. Эта часть была покрыта густой растительностью, которая буквально сплеталась ветвями, но справа деревья росли не так густо. Он привстал на цыпочки, повернул голову и мельком увидел большое каменное сооружение среди рощицы сосен.

Такие остроконечные каменные крыши Дэниел видел на кладбищах. Одна из них располагалась на вершине холма недалеко от того места, где он похоронил свою бабушку. Ее могила была более чем скромной. Она не жалела денег при жизни, а то, что успела скопить, быстро съели больничные счета, и она умерла в бедности. Дэниел помнил, как рыдал после похорон, злясь на себя за то, что смог оплатить только самый дешевый гроб.

С комком в горле он отошел от окна и вернулся в коридор. Волнение от осмотра дома исчезло. Высокие темные залы утратили свою таинственность и казались депрессивными и одинокими.

Он остановился перед портретом Аннализы. Со второго взгляда, ему показалось, что ее лицо будто покрывает пелена ужаса, тщательно скрываемого маской дружелюбия. Он не знал, почему выражение ее лица так его беспокоило, но никак не мог забыть о нем.

Дэниел поднял тарелку со «Спэмом» и спустился на первый этаж. Хотя черный кот оставался неуловим, Дэниел оставил тарелку между двумя мягкими разваливающимися креслами с изогнутыми спинками возле камина. Именно там он увидел кота, когда вошел в здание, и поэтому надеялся, что тот вернется и найдет еду.

Камин был довольно большим и красивым сообразно эстетике дома. Дэниел мог бы вполне удобно расположиться на его решетке. На каминной полке стояли разнообразные украшения. Свечи в канделябрах наполовину оплавлены, а на сухих ветках, наверное, когда-то была хвоя. Рядом с часами, которые давным-давно остановились, стояло шесть узорчатых металлических рамок для фотографий, и все пустые.

Дэниел вытащил из кармана записку и положил ее на свободное место в центре каминной полки, покрытой хламом и пылью. Белая бумага отчетливо выделялась на этом фоне.

По стене возле лестницы двигалась тень. Дэниел прищурился в попытке разглядеть ее очертания среди тяжелого мрака. Небольшое пятно отделилось от стены и направилось к нему. Дэниел улыбнулся, узнав кошку.

– Эй, приятель, ты вернулся?

Кот поставил передние лапы на камень, пригнул голову и плечи, потянулся. Дэниел снова обратил внимание, как ходят кости под кожей у кота, и его сердце защемило от жалости. А кот тем временем выпрямился и уселся в десятке шагов от него, аккуратно обернув хвост вокруг лап.

– Еда, – Дэниел указал на тарелку. – Я не собираюсь снова за тобой бегать, но оставляю тарелку здесь, чтобы ты поел, хорошо? Завтра принесу еще.

Дэниел знал, что кот не понимает его, но от произнесенных вслух слов ему стало немного легче. Наверное, кот давно был бездомным и навряд ли подпустит к себе незнакомца, но Дэниел мог хотя бы кормить его и тем самым создать некое подобие комфорта на закате его жизни. Шерсть кота пока не начала седеть, но суставы, видимо, уже были изношены, что делало его движения неестественными и медленными. Вид его был изможденный, а значит он прожил долгую жизнь.

– Будь здоров, малыш. Если зайдет Бран, поздоровайся с ним от моего имени, хорошо?

Дэниел начал плавно пятиться к двери. Янтарные глаза кота следили за ним, но не выражали никакого любопытства по поводу тарелки, что он оставил.

Конверт Брана с инструкциями для Дэниела и оплатой ждали в куче листьев неподалеку. Дэниел поднял его, сунул в карман и вышел на крыльцо.

Снаружи на дереве его снова поджидали вороны, встретив скорбным карканьем, некоторые с опаской отлетели подальше. Дерево под ними почти умерло. На нем пока еще висело несколько случайных листьев, но Дэниел подозревал, что через год оно совсем зачахнет. Ворон было так много, что они казались фальшивыми листьями, облепившими дерево – темные, постоянно в движении, перелетают с ветки на ветку. Он опять склонил голову, проходя под ними и пробираясь сквозь спутанные клубки мертвых кустов и живых извивающихся лиан.

Он изо всех сил старался запомнить планировку сада из окна, поэтому продирался сквозь растения в том направлении, где, как ему запомнилось, находился склеп. Инструкции в письме Брана гласили, что сад необходимо восстановить, но все же в первую очередь говорилось о приведении в порядок склепа, поэтому Дэниел решил, что это приоритетная задача. Он уже потратил впустую все утро, осматривая особняк и гоняясь за котом, поэтому решил, что пора браться за дело, чтобы заработать себе на жизнь.

Сначала он нашел сосновую рощу. Сосны создавали почти идеальный щит вокруг склепа, и ему пришлось буквально протискиваться между ними, чтобы найти фасад из темно-серого камня.

Сооружение было красивым даже в запущенном состоянии. Полностью построенное из каменных плит и достаточно большое – издалека можно принять за маленький дом. Остроконечная крыша на несколько футов возвышалась над головой Дэниела, а на стенах были вырезаны изображения растений и животных. Арочный вход вел в небольшой альков шириной шесть футов, где могли укрыться люди. Внутри проглядывали темно-коричневые оттенки, что позволяло предположить наличие двери в дальнем конце укромной ниши. Но Дэниел не мог подойти ближе, чтобы убедиться. И сам вход, и участок вокруг склепа заросли свирепым колючим кустарником. В кустах запутался плющ, и

растения одновременно и поддерживали, и душили друг друга.

Дэниел провел пальцами по волосам, обдумывая, что можно сделать. Неудивительно, что Бран хотел привести склеп в порядок. Действительно, было что-то ужасное в том, что последнее пристанище человека задыхалось в уродливых колючих зарослях. Дэниел посмотрел на свои руки. Да, без перчаток ему не обойтись, если он не хочет разодрать пальцы в кровь. Но он понятия не имел, когда Бран придет за запиской и доставит все необходимое.

Ищи компромисс. Он осмотрел стены. Плющ рос выше кустов. Его стебли покрывали замысловатую резьбу на стенах и крыше и, казалось, скрывали усыпальницу. Если за плющом ухаживать, с его помощью можно создать приятный мягкий вид. Но теперь он так разросся, что просто душил все вокруг, включая само сооружение.

Дэниел пробежался обратно к коттеджу садовника. В маленькой кухне он нашел нож и два кухонных полотенца. Он оставил лампу и конверт с оплатой, затем вернулся к склепу и обернул руки полотенцами для защиты. Работать было сложно и неудобно, но Дэниелу удалось взобраться на упавшую сосну и дотянуться до лоз, расположенных на высоте. Шипы все равно кололи его, даже сквозь ткань, но он упорно продолжал работать, отсекая плющ, росший над крышей гробницы. Шаг за шагом, он отделял темно-зеленые листья от камня и сбрасывал их на чистый участок земли, где соберет их позже.

К тому времени, когда он обогнул все сооружение, очистив его от плюща, руки его были в ссадинах, а солнце уже садилось за верхушки деревьев. Нож был полностью покрыт соком растений, и Дэниел очистил его одним из полотенец. Улучшение было налицо, хотя кусты он пока не трогал. Дэниел довольно улыбнулся, радуясь, что без утяжеляющих крышу растений здание хотя бы частично вернуло свой прежний достойный вид.

Теперь стало возможным разглядеть фасад склепа. Среди искусно вырезанных листьев, свитков и миниатюрных колонн было начертано имя: Аннализа Мирикс. Эмблема над ним представляла собой брошь, приколотую к платью девушки на картине.

Дата, вырезанная рядом с именем, заставила сердце Дэниела внезапно сжаться. 1791–1803 гг. Она прожила всего двенадцать лет.

Может, болела? На портрете у нее невероятно бледная кожа, но я думал, что это работа художника – ведь так было модно в то время. Она умерла юной, но, наверняка, ее нежно любили и увековечили и на картине, и в этой усыпальнице.

Он вспомнил слегка приподнятые уголки ее губ и страх в глазах. Она знала, что умрет? А картину написали специально, чтобы увековечить ее до того, как она уйдет навечно?

Закат горел яркими багряными и сверкающими золотыми цветами. Дэниел стряхнул с рук полотенца, завернул в них нож и отправился к себе в коттедж. Он намеревался вернуться в город до конца дня, но слишком увлекся работой и не заметил, как солнце практически село.

Дэниел остановился перед домом садовника. По сравнению с особняком и садом в маленьком аккуратном доме было комфортно. Даже уютно. Он потер затылок ноющей рукой. Было бы здорово жить в собственной комнате и не ограничивать себя в еде. Было бы еще лучше снова не пробираться через лес. Конечно, он сможет справляться с работой в Крейвен Мэнор в течение дня, но после захода солнца он все еще ощущал необъяснимую тревогу и беспокойство.

Есть осторожность, а есть паранойя. Ты провел здесь целый день, и ничего страшного не случилось. Рискни. Остайся на ночь.

Он толкнул дверь коттеджа. Без солнечного света он казался неестественно мрачным. Дэниел безуспешно искал выключатель. На территории нигде не было видно огней. В особняке висели масляные лампы на стенах и в большинстве комнат стояли камины. Дэниел подозревал, что здесь никогда не было электричества.

Да и холодильника тоже не было. Хотя для него это не проблема. Чай и кофе он привык пить без молока, потому что Кайлу не нравилось молоко. Но без холодильника любое мясо или скоропортящиеся продукты придется съесть сразу же.

Отчаявшимся не приходится привередничать.

Он фыркнул, опустившись на колени перед камином. До появления в Крейвен Мэнор он чувствовал себя отчаявшимся, постоянно хватался за любую работу,

чтобы заработать деньги на оплату квартиры и еды, без конца рассылал резюме и получал отказы и всегда чувствовал свою ущербность из-за того, что у него не было дома.

Но в Крейвен Мэнор была совсем другая атмосфера. Складывая в камин щепу для растопки, Дэниел попытался прикоснуться к нему пальцем. Усадьба, конечно, не была веселым местом. И не светилась радостью и дружелюбием. Но она казалась незыблемой. Ничто за последние двести лет так и не смогло ее разрушить. Как бы не били в стены бури, как бы не пыталась задушить дом бурная растительность, он по-прежнему стоял неподвижно и гордо.

Несмотря на все хранимые тайны и пугающую атмосферу, в коттедже он чувствовал себя более уверенно, чем в квартире у Кайла. Это было поразительное открытие. У Кайла он всегда чувствовал себя гостем. Он платил половину арендной платы и половину коммунальных расходов, но его имя все равно не значилось в договоре аренды. Даже комната, в которой он жил, не была полностью его. Там хранилась гитара Кайла, его старая одежда и вещи, напоминающие о давно заброшенных хобби, что делало и без того маленькое пространство еще более тесным. А в Крейвен Мэнор у Дэниела был свой дом.

«Мой собственный дом». Он сказал это вслух, пробуя слова на вкус, и ему очень понравилось, как они звучат. Конечно, он не был настоящим владельцем коттеджа садовника, но ему казалось, что он имеет право его украсить, поставить новую мебель и ночевать здесь, не опасаясь, что его могут в любой момент вышвырнуть.

Не привязывайся слишком сильно. Он добавил полено в пылающий огонь и оставил его гореть. Конверт ждал на столе рядом с лампой, и Дэниел открыл его и вытряхнул содержимое. Может выясниться, что монеты ничего не стоят. Или владелец окажется сумасшедшим. Да и сам ты можешь проснуться следующим утром без почки.

Но, так или иначе, все страхи сегодня казались менее реальными, чем накануне. Он начал мысленно рисовать образ владельца Крейвен Мэнор и представил себе отшельника, который максимально избегал контактов с людьми. Это вполне устраивало Дэниела.

Он внимательно осмотрел монеты. Герб на них совпадал с изображением на картине и на склепе. Неудивительно, что он показался знакомым.

Может, это фамильный герб? Интересно, можно ли найти кого-нибудь, кто его узнает. Когда в этой усадьбе жили, она, наверное, была хорошо известна. Дом такой большой, и для его обслуживания, вероятно, требовалась целая куча горничных.

Дэниел отложил монеты в сторону, вытряхнул две записки, перечитал их и оставил на столе. Если работа была настоящей, а он начинал серьезно верить в это, он не хотел делать ничего такого, что могло бы поставить ее под угрозу.

«Правила:

– Посторонним вход на территорию воспрещен.

– Не входите в башню.

– Не выходите из коттеджа садовника между полуночью и рассветом. Задерживайте шторы.

– Держите дверь запертой. Если слышите стук, не отвечайте».

Последнее правило, как ни смотри, звучало зловеще, но Дэниел был не в том положении, чтобы нарушать указания. Поэтому он задернул шторы, чтобы в комнату не проникал лунный свет, затем закрыл дверь на замок. В качестве дополнительной меры предосторожности он подтащил к двери стул. Если кто-то вдруг действительно решит напасть на него посреди ночи, то он, по крайней мере, услышит шум и будет готов к визиту гостей.

Дэниел приготовил себе простой ужин, разогрев на огне тушенку, и съел ее с двумя кусками хлеба. Накануне ночью он почти не сомкнул глаз, и мышцы болели от работы, поэтому он решил, что ничего плохого не случится, если он ляжет пораньше. Он вскипятил на огне кастрюлю с водой и неловко помылся. Затем переоделся в чистую одежду, которую принес с собой, и улегся в кровать.

Постель была теплой и мягкой, а потрескивающий огонь успокаивающе гудел, убаюкивая его, создавая чувство защищенности.

Вскоре после полуночи ощущение тепла и спокойствия закончилось – кто-то начал стучать в дверь.

Глава 7

ДЭНИЕЛ РЕЗКО СЕЛ в кровати, сбросив одеяло. Он быстро заморгал, судорожно пытаясь прогнать остатки сна, который окутывал разум и делал его вялым. Ему потребовалась минута, чтобы вспомнить, что он не в квартире у Кайла.

Стук в дверь был негромким, мягким и как будто любопытствовал – тук-тук, тук-тук. Навряд ли бы это тихое постукивание разбудило Дэниела, если бы накануне он так сильно не перенервничал.

Он выскользнул из постели и поджал пальцы ног, ступив на холодный пол. Огонь в камине догорал. Остатки тлеющих углей мерцали в темноте, отбрасывая блики по всей мебели.

Тук-тук-тук. В этом стуке, казалось, был заключен и вопрос, и приглашение, и просьба. Сначала Дэниел непроизвольно потянулся к двери, чтобы открыть замок и посмотреть, кто снаружи, но потом резко отдернул руку. Часы на столе показывали 00:19. Ему не разрешалось открывать дверь или выглядывать в окно до тех пор, пока не наступит рассвет.

Почему? Его охватил страх. И раньше это правило сбивало с толку и даже тревожило, но теперь от него повеяло чем-то по-настоящему жутким. Кто это? На что Бран запрещает мне смотреть?

У Дэниела даже пальцы зачесались – так ему хотелось отодвинуть занавеску и выглянуть в окно. Окно находилось у двери, и все, что ему достаточно сделать – это отодвинуть уголок занавески и выглянуть.

Стук затих. Дэниел в напряжении ждал, но все равно вздрогнул, когда стук послышался у стены рядом с дверью, а затем начал медленно поворачиваться вслед постукиваниям, разносившимся по всему дому. Вот легонько постучали в окно. Затем раздались более глубокие и медленные звуки у стены прямо над плинтусом. Дэниел попытался сглотнуть, но во рту все высохло, и язык прилип к нёбу.

Не бойся. Дверь заперта. Что бы это ни было, внутрь ему не попасть.

Он прокрался к камину, стараясь не шуметь, чтобы не воодушевить существо снаружи, но ему отчаянно захотелось тепла и света. Он положил небольшое поленце на тлеющие угли и подождал, пока оно вспыхнет.

Постукивания эхом разносились по всему дому, доходили до самой крыши, и страх вновь охватил Дэниела. Адреналин хлынул в кровь, наполняя его энергией, которую он не мог потратить, и заставил дергаться. Что могло добраться до крыши? Возле дома нет ни лестницы, ни упавших деревьев, по которым можно взобраться. Что там такое, черт возьми?

Стучавший полностью обошел вокруг здания и снова достиг двери – раздалось финальное тук-тук-тук, медленное и серьезное, как последнее предупреждение. Затем наступила тишина.

Дэниел, скрючившись, сидел на полу, у огня. Прежнее теплое чувство, что он испытывал к Крейвен Мэнор, испарилось. Сейчас ему больше всего на свете хотелось, чтобы рассвет наконец прорвался сквозь адскую тьму и чтобы он мог уйти. Огонь еще как следует не разгорелся, и спина у Дэниела мерзла, а по телу периодически пробегала дрожь. В ночи любой тихий звук казался грохотом. Скрипели на ветру ветви. Жужжанье и шорохи насекомых звучали, как язык пришельцев. Каркнула и затихла в темноте ворона.

Тянулись минуты, превращаясь в часы, и усталость все же победила Дэниела. Он повалился бочком на коврик у камина и задремал. Когда он наконец окончательно проснулся, сквозь края оконных занавесок пробивался рассвет.

Ну, слава богу! Он вскочил на ноги, потряхивая онемевшей левой ногой, по которой теперь словно бежали иголки, и допрыгал до окна. Рассвело – значит опасность миновала?

Он отдернул угол занавески, увидел каменную ступеньку у двери, и на ней никого не было. Ранний солнечный свет играл с тенями в заброшенном саду, окружавшем его дом.

Дэниел посмотрел на особняк. Солнце уже вставало, подсвечивая его сзади, из-за чего он казался сплошь черным. Но башню, возвышавшуюся над крышей, было видно отчетливо. От изогнутого купола отражался свет. В окне что-то мелькнуло.

Что это? Дэниел полностью раздвинул шторы, чтобы лучше видеть, но фигура в башне исчезла. Он мог поклясться, что видел что-то, похожее на женский силуэт. Но как бы он ни напрягался, больше ничего не разглядел, кроме двух занавесок, закрывавших окно. Они немного шелохнулись, как будто от ветра. Может, это и был ветер? Возможно ли, что я просто увидел, как колышутся занавески, и решил, что это человек?

Объяснение показалось ему не убедительным, но другого не было. Навряд ли в доме кто-то жил – тогда бы пыль не лежала там нетронутыми сугробами. И Дэниел не заметил внутри ничьих следов, кроме своих собственных.

Вспомнив о большой двери, выкрашенной в черный цвет с белым крестом на створке, он почувствовал дискомфорт. Он уже начал отходить от окна, когда вдруг заметил на нем мутное пятно и остановился. Пятно было расплывчатой формы, но выглядело как след от руки. Прищурившись, Дэниел наклонился ближе и разглядел на пятнах крошечные завитки, как от отпечатков пальцев.

«Кто бы это мог быть...» – подумал он и приложил свою руку рядом. Разница в размере была значительной. Пальцы на отпечатавшейся руке были вдвое меньше его.

Это оставило существо, которое бродило вокруг моего дома ночью? Ему стало физически плохо от этой мысли. Но пятно было размытым, и он решил, что это чей-то старый след. Кто-то же должен был приходить в коттедж, чтобы убираться и пополнять запасы в кладовой. И этот кто-то мог бы оставить свои отпечатки.

Он потер мурашки, побежавшие по обнаженной коже рук. Дэниел не мог вспомнить, видел ли этот отпечаток накануне, потому что не внимательно осматривал коттедж. Может, он просто не обратил на него внимания.

Хорошо, давай исходить из логики, Дэниел. Мы остаемся или нет?

Нутром он чувствовал, что лучше убраться отсюда. Конечно, у Кайла ему не очень удобно жить, но там, по крайней мере, никто не стучит в дверь по ночам. Такое случилось лишь однажды, когда какой-то алкаш подумал, что это его квартира, и разозлился, что у него не подошел ключ. Это воспоминание породило легкую улыбку. Кайл вышел из своей комнаты, размахивая бейсбольной битой. Он и алкаш орали друг на друга через дверь, пока незнакомец, наконец, не сдался и не ушел.

Улыбка Дэниела дрогнула. Кайл был местами грубоват, но все же они были братьями, хоть и двоюродными, и Дэниел был в долгу перед ним за то, что тот пустил его в свой дом. А он ушел оттуда среди ночи, даже не попрощавшись.

Затем Дэниел подумал о Флетче, работнике фаст-фуда, который взял и выдавил его из комнаты в один миг. Может, он и не хотел его обидеть, но обидел все равно.

Я не хочу туда возвращаться. Дэниел порылся в сумке, нашел две самые теплые куртки, что у него были, и надел их на рубашку. Я скажу Кайлу, что со мной все в порядке, но обратно не вернусь ни за что.

Он отодвинул стул от двери и открыл ее. Внутри тут же ворвался морозный воздух, заставив его вздрогнуть, несмотря на теплую одежду. Стоя на пороге и потирая руки, он услышал слабый шум, который доносился сквозь деревья, нарушая утреннюю тишину. Шум показался Дэниелу странным.

Шаги? Шаги и... что-то еще... кажется, что-то тащат по земле?

Дэниел провел пальцами по волосам в тщетной попытке выглядеть достойно. Наверное, это его таинственный работодатель. Кто еще мог прийти в Крейвен Мэнор в такую рань? Дэниел побежал в сад, изо всех сил стараясь определить, откуда доносится шум. По мере его приближения к источнику шума, звуки становились все отчетливее. Наконец он вырвался из зарослей кустов и

умирающих деревьев и оказался у входа в Крейвен Мэнор. Дэниел замедлил шаг, надеясь, что выглядит, как спокойно прогуливающийся человек.

У каменных ступеней над тачкой склонился парень, ненамного старше Дэниела. Его лохматые каштановые волосы доходили почти до воротника куртки. Одежда была простая, но чистая – так, по мнению Дэниела, одевались люди, работающие руками. Даже сквозь объемную куртку были видны его мускулы.

Когда Дэниел приблизился, на дереве беспокойно задвигалась стая черных ворон. Парень раскладывал в тачке инструменты, которые попросил купить Дэниел, будто это была подарочная корзина, и важно было красиво ее оформить. Под башмаками Дэниела хрустнули опавшие листья. Парень дернулся и повернулся в сторону Дэниела. Глаза его расширились, лицо напряглось.

Мгновение во дворе стояла устрашающая тишина. Дэниела охватило непреодолимое ощущение, что его присутствие здесь нежелательно, но отступать было поздно. Он сглотнул и протянул руку, молясь, чтобы она не дрожала.

– Привет. Простите, что напугал вас. Вы Бран, верно?

Парень уставился на протянутую руку и нервно улыбнулся, отчего вокруг его глаз разбежались морщинки, но улыбка не казалась искренней. На лбу выступила испарина.

– Нет?.. А я подумал, что вы Бран. Значит, нет? Вы не хозяин этого места? Простите, я думал... – Дэниел совсем растерялся, закашлялся, все еще протягивая руку. – А я садовник. Меня только вчера наняли, и я ждал встречи с Браном.

Парень наконец расслабился, расправил плечи и хмыкнул. Напряжение вокруг рта исчезло, но глаза смотрели настороженно.

– Черт, извини, чувак. Ты меня действительно напугал. Я был здесь два раза, и оба раза один. И я не ожидал, что встречу кого-нибудь здесь сегодня. Меня Джоэл зовут, – Джоэл, наконец, пожал руку Дэниела.

Рука у него была твердой, хоть и немного влажной.

– Видимо, ты тоже не встречался с Браном?

– Нет, – Джоэл поскреб ботинком по опавшим листьям.

Было немного странно видеть, что такой накачанный парень испугался, но Дэниел мог описать его реакцию только так.

– Я работаю в хозяйственном магазине в Арбуре с отцом. Нас наняли для поставки разных материалов. Отец не смог привезти их сам, поэтому отправил меня. Но...

Дэниел подумал, что, наверное, сможет угадать его мысли.

– Не самое гостеприимное место, да?

Джоэл яростно кивнул и понизил голос до шепота.

– Да это, черт возьми, какой-то кошмар. Вороны повсюду. Дом как из фильма ужасов. А этот парень, Бран, мы его не видели ни разу. Он просто отправляет инструкции в письмах. Каждый раз, когда я приезжаю сюда, я опасаюсь, что меня прикончит какой-нибудь ненормальный лесоруб.

Значит, я не один такой.

– Но вы все равно согласились на эту работу?

– Да нам деваться было некуда, – Джоэл пожал плечами, и ему снова стало не по себе. – Мы уже собирались сворачивать бизнес через месяц. А этот парень оставил письмо у нас под дверью. Просил, чтобы мы убрали в коттедже и доставили кое-какие припасы в дом. А взамен заплатил небольшое состояние – намного больше, чем стоила эта работа. Это было так странно. Мы бы подумали, что это розыгрыш, но он заплатил авансом.

Дэниел мотнул головой в сторону леса за спиной.

– Так это вы навели порядок в коттедже?

– Да. Этот парень, Бран, сказал, что хочет, чтобы там можно было жить. И написал, что мы должны доставлять еду раз в неделю, а также любые другие товары, которые он попросит... как-то так, – Джоэл указал на тачку. – Никаких указаний о марке или цвете, или еще о чем-нибудь не было. И никакой возможности связаться с ним, чтобы спросить. Поэтому нам пришлось действовать наугад.

В тачки лежали ножницы, пила, лопата и рабочие перчатки, которые Дэниел попросил накануне.

– Это для меня. Выглядит отлично. Хотя я не особо разбираюсь.

– Да здесь все лучшее. Мы не хотим облажаться с этим парнем, ведь он, считай, оплачивает нашу аренду.

– Быстрая у вас доставка.

Дэниел не смог не нахмуриться, переводя взгляд с тачки на дом, который выглядел таким же безжизненным, как и в день его приезда. Ни света в окнах. Ни колышущихся штор. Ни единого признака обитания.

– Я попросил их только вчера вечером.

– Мы обнаружили письмо Брана у нас под дверью сегодня утром. Вместе с дополнительной платой. Он прислал больше, чем этот заказ стоит, поэтому отец решил доставить его в первую очередь.

Дэниел выудил из кармана золотые монеты. Он огляделся, чувствуя себя немного неловко из-за разговора о доходах с незнакомцем, но ему было слишком любопытно, чтобы сопротивляться.

– Вам он тоже платит этими монетами?

– Точно, – Джоэл снова повел плечами и хмуро взглянул на монеты. – Вообще фантастика какая-то. Как я уже сказал, если бы дела у нас шли получше, мы бы

не взялись за эту работу. Что-то здесь реально не то происходит.

В животе у Дэниела узлом скрутилась тревога, как жирное голодное насекомое. Он сунул монеты обратно в карман и облизал пересохшие губы.

На лице Джоэла тоже читались признаки беспокойства.

– Слушай, прости и, пожалуйста, не говори ничего владельцу. Я не хотел жаловаться. Мы действительно очень благодарны ему за работу...

– Нет, не волнуйтесь, я понял. Это... это и правда странно. Я и сам пока никак не могу привыкнуть.

Джоэл немного помолчал и перевел взгляд с Дэниела на сад, на дом и снова на Дэниела.

– Ты ведь здесь останешься?

– Эээ... – Дэниел пожал плечами. – Да, думаю, останусь.

– Слушай, – Джоэл провел рукой по подбородку, продолжая бегать глазами. – У меня мандраж начинается, даже когда я просто прихожу сюда. Но чтобы жить здесь... и представить не могу. Хочешь, я принесу тебе еще что-нибудь? В письме ничего не говорилось о том, чтобы провести электричество в коттедж – просили просто сделать его пригодным для жизни, и я не хотел делать никаких предположений. Но я могу привезти генератор и кое-какие бытовые приборы. Холодильник, чайник и все такое.

Это было серьезное искушение. Технически Дэниел не нуждался в электроприборах, но они сделали бы его жизнь веселее. С другой стороны, Бран не выделил ему бюджета, и он не хотел злоупотреблять его гостеприимством, запрашивая «предметы роскоши».

Джоэл заметил выражение его лица и натянуто улыбнулся.

– Все нормально. Я не буду выставять ему счет за них. Его первый аванс легко покроет все дополнительные расходы.

– Ну, если вам не трудно...

– Да вообще нет. Конечно, проехать на грузовике через лес – всегда приключение, но я же все равно буду приезжать каждую неделю и привозить еду, – Джоэл рассмеялся, но и в смехе слышался намек на дискомфорт. – В следующий раз я привезу генератор. Заполним его топливом и подключим тебе оборудование. Конечно, для такого... большого здания, – он махнул рукой в сторону возвышающегося над ними особняка, и его улыбка на мгновение угасла, но потом он снова заулыбался, – он навряд ли подойдет, но у нас есть модель, от которой будут работать четыре-пять приборов одновременно.

Я смогу пить кофе, не кипятя воду на огне. И молоко не испортится за ночь. И я даже смогу купить вентилятор летом... Жизнь в Крейвен Мэнор в течение длительного срока уже не казалась такой ужасной.

– Было бы здорово. Вы сказали, что приехали на грузовике. А как вы проехали через ворота? Я сам с трудом протискиваюсь в щель пешком.

– Не, нет там никаких ворот, но тропа ужасно заросла, – Джоэл указал на участок сада у себя за спиной, который Дэниел пока еще не исследовал. – Я оставляю грузовик примерно в пятидесяти метрах отсюда, а затем тащу все вручную.

Значит, в Крейвен Мэнор ведет еще одна дорога из другого города? Дэниел попытался разглядеть тропу, по которой пришел Джоэл, но деревья срослись слишком тесно. В голове у него возникла мысль, и он бросил быстрый взгляд на своего собеседника.

– А когда Бран нанимал вас, он дал вам какие-то конкретные инструкции? Правила?

– Конечно, дал. Не приходить с полуночи до рассвета, не приглашать сюда никого и не входить в дом.

Мне сказали держаться подальше от башни, а Джоэлу вообще запретили входить в здание. Значит, в поместье есть нечто, что Бран не хочет показывать. В нем снова взыграло непреодолимое любопытство.

Джоэл опять зашаркал ботинком по земле.

– Эээ, хочешь, я тебе еще что-нибудь привезу?

– Нет, не надо, спасибо за все, – Дэниел понял намек. – Можете ехать назад. Спасибо, что привезли все это.

– Да, конечно, – Джоэл сделал шаг назад и остановился.

Он перевел взгляд с Дэниела на дом и обратно, а затем что-то проворчал, порылся в карманах и вытащил ручку и бумагу.

– Ты ведь здесь совсем один? Если станет совсем хреново – ну типа настолько, что нужно будет быстро убраться отсюда, позвони мне. Этот телефон всегда со мной, даже ночью. Я... я уверен, что беспокоиться не о чем. Но на всякий случай.

Дэниел взял листок бумаги. В нем был номер мобильного телефона. Он не знал, что сказать, поэтому сунул бумагу в карман и выдавил улыбку.

– Спасибо.

Джоэл поднял руку на прощание, но был уже на полпути к зарослям деревьев.

– Ну, бывай!

Дэниел подождал, когда Джоэл скроется в саду, затем перевел дыхание, глядя на тачку. Мне надо попросить у него телефон. Номер Джоэла не очень-то поможет, если у меня не будет телефона.

Вороны закаркали, рассаживаясь на дереве позади него. Солнце уже поднялось, но густая листва надежно защищала усадьбу от света, и Дэниел чувствовал, что мерзнет. Он потер руки и попытался взглянуть на ситуацию оптимистично.

Джоэл и его отец подготовили для меня дом. Ответ на эту загадку получен. Бран явно предпочитает держаться подальше от своей собственности. Я в общем-то не возражаю, просто... Я бы хотел видеть во всем этом немного больше смысла.

Джоэл получал письма с инструкциями, как и Дэниел. И ему платили теми же золотыми монетами. На этом сходство не заканчивалось. И Джоэл, и Дэниел находились в отчаянном положении и не могли отказаться от предложения Брана, каким бы неприятным оно им не казалось.

Как будто он охотится на самых незащищенных.

Дэниел изо всех сил пытался отделаться от этой мысли. Он провел рукой по ручке тачки. На его запрос о садовом инвентаре отреагировали так быстро, что это сбивало с толку. Он не знал, как это возможно – ведь он находился здесь в полной изоляции.

Может, у Брана в холле есть камера слежения или датчик движения, чтобы видеть, когда я вхожу внутрь... ага, особенно, если учесть то, что в Крейвен Мэнор нет электричества, чтобы их подключить. Может, Бран нанял кого-нибудь, чтобы приходили туда каждый вечер и проверяли, нет ли записки. Может, это он и стучался в коттедж ночью.

Над головой мрачно шуршали крыльями вороны. Когда он посмотрел на них, одна тихонько каркнула. Казалось, они собрались вокруг огромной старой вороны, которую Дэниел видел накануне. Она неотступно следила за ним немигающим взглядом, и Дэниел почувствовал себя неудобно. Он взял тачку и принялся толкать ее в сторону склепа.

Глава 8

ПО ДОРОГЕ К СКЛЕПУ Дэниел продолжал обдумывать только что полученную информацию. Приняв предложение Джоэла о генераторе, он практически скрепил печатью свое согласие работать в Крейвен Мэнор, поэтому бросить здесь все после оплаты поставок было бы неприлично. Дэниел покосился на башню, проходя мимо, но единственное, что он увидел в окнах, было отражение пасмурного неба.

Может, у меня просто богатое воображение, и я схожу с ума из-за ерунды. Стучать могла ночная птица или даже белка. А то, что стук был похож на

просьбу впустить кого-то, еще не значит, что так и есть.

С дерева, громко хлопая крыльями, слетели вороны и разразились карканьем. Дэниел вздрогнул, но птицы пролетели над ним и исчезли в лесу за оградой.

Да уж, жуткий дом. Но это не значит, что он плохой. Дэниел облизал губы. Он мог бы стать твоим домом. Может, здесь ты станешь счастливым. У тебя есть собственная кровать, и тебе доставляют все необходимое – стоит только попросить... и природа. Боже, какая тут красота.

Он добрался до склепа и опустил тачку. Лианы, которые он оборвал накануне, кучами лежали вокруг каменного сооружения, и Дэниел собрал их в тачку. Он не знал, есть ли на территории компостная куча, но ее нужно было сделать. К тому времени, когда он начнет сажать новые растения на участке, органический материал уже разложится в достаточной степени и превратится в хорошее удобрение. Дэниелу стало интересно, получится включить саженцы в поставки, за которые платит Бран. Это было бы здорово – тогда Дэниел смог бы частично заменить мертвые деревья.

Дэниел нашел чистый участок земли, сбросил оборванные лозы, а затем вернулся к склепу и надел перчатки. Джоэл не солгал, когда говорил, что это лучший бренд – перчатки надежно защищали ладони, и Дэниел почти не чувствовал шипов, срезая ветки и вырывая кусты из земли. К сожалению, остальные части тела остались без защиты. На джинсах образовались ряды крошечных дырочек, а незащищенные предплечья покрылись кровотокающими ссадинами. Но, тем не менее, работа приносила удовлетворение, а сам процесс казался ему сродни медитации. Каждый новый укол означал, что уродливых кустов у входа в гробницу становится все меньше. За несколько часов Дэниел расчистил довольно большое пространство, так что под навесом теперь можно было спокойно стоять.

Он прервал работу, чтобы полюбоваться. Склеп был спроектирован как место, где люди могли спокойно посидеть и отдать дань уважения усопшим, и даже укрыться от дождя. В обеих стенах вырезаны каменные скамейки. Двери гробницы деревянные, примерно такой же толщины, как двери главного дома. Они были украшены такой же резьбой из листьев и орнаментов, что и снаружи.

Дэниел схватился за один из уродливых кустов у основания двери. Кустарник доходил ему до плеч и упорно не хотел покидать землю. Дэниел кряхтел, приглушенно ругался и наконец вырвал его, но к шарканью его башмаков присоединилось странное позвякивание. Дэниел отбросил куст в сторону. Под ним прятались серебряный поднос и две стоявшие на земле чашки.

Чашки были тонкого фарфора, и по их ободку шли искусно нарисованные нежные цветы. Поднос выглядел дорогим, но весь был покрыт грязью. Вся эта красота десятилетия пролежала на земле, и в результате поверхность фарфора покрылась черным зернистым налетом, а в чашках было полно мелких насекомых, нашедших там последнее пристанище.

Дэниел ногой отбросил куст в сторону и осторожно поднял поднос. Металл практически прилип к камню, и его нижнюю сторону покрывал слой красной ржавчины. Он попытался представить, как кто-то приходил в склеп – возможно, скорбящий родитель, – чтобы выпить чаю и поговорить с покойной Аннализой. Но какие бы сценарии он не придумывал, ни один не объяснял, почему чашки оставлены именно там.

Неприятное ощущение, преследовавшее его с момента прибытия в Крейвен Мэнор, усилилось. Оно было тяжелым и давило, как пальто, маловатое по размеру, и Дэниел никак не мог сбросить с себя напряжение. Было неправильно оставлять чашки в склепе, поэтому он вынес поднос.

Вороны кружили над ним, как стервятники. Может, для них это обычное дело: утром сидеть на дереве у дома, днем летать в лесу в поисках пищи, вечером кружить вокруг особняка, и на ночь снова опускаться на то же дерево. В принципе, ему нравились птицы, но вороны не проявляли ни радости, ни энергии, которые, по его мнению, были присущи их пернатым родственникам.

Он поднялся по лестнице в дом. Дверь так и была открыта, и в холле все так же были навалены листья, но он на мгновение замер, прислушиваясь, не появятся ли там признаки жизни. Любой тихий звук отдавался в доме эхом, и паранойя Дэниела росла. Ветви деревьев царапали каменную стену, в крошечных трещинах посвистывал ветер, даже шорох листьев, швыряемых по полу случайными дуновениями, казался отчаянно громким. Он собрался с духом и вошел внутрь.

Без лампы было трудно понять, куда он идет. Даже когда он распахнул входную дверь полностью, проникавшего внутрь света оказалось недостаточно, чтобы осветить холл. Но тут в голову пришла одна мысль, и он направился к камину. Наполовину расплавленные свечи были вставлены в старинные бронзовые канделябры с изогнутыми ручками. Спичек не было, но он заметил кремь, спрятанный среди мертвых веток и пустых рамок. Потребовалось несколько минут, чтобы зажечь первый фитиль.

Он оторвал канделябр от каминной полки и поднял его перед собой. Тарелка, что он оставил коту, так и стояла между двумя стульями. Розовый «Спэм» казался нетронутым. Дэниел вздохнул и поставил тарелку на серебряный поднос. Может, кошка не признавала «Спэм» за еду. Надеюсь, в следующий раз Джоэл привезет настоящее мясо. Бедный кот.

Дэниел обошел холл по стенке, открывая двери в надежде найти ванную комнату или кухню. Петли скрипели и поддавались с трудом, и ему часто приходилось отбрасывать стога мертвых листьев. Первые несколько дверей вели в бальную залу, столовую и великолепную библиотеку. Дэниел ненадолго там задержался и заметил, что большая часть книг цела, и обветшали лишь несколько корешков.

Ему повезло, когда он открыл одну из дверей, спрятавшихся за лестницей. Кучи листьев там были толще и выше, но он отшвырнул их с дороги, открыл дверь и оказался в помещении, похожем на помещение для слуг. Это была небольшая столовая с менее роскошным интерьером. Центр помещения занимал стол, вокруг которого стояло не менее тридцати стульев. В стенах располагалось несколько дверей. Он попытался открыть одну и попал в комнату, которая, видимо, была швейной мастерской. На столе лежало старомодное платье, утыканное булавками.

Следующая дверь открывалась в прачечную с большими раковинами, заполненными разной одеждой, которая застыла странными смятыми формами – ее замочили и забыли. Ткань была покрыта давно засохшей плесенью. Наклонившись поближе, Дэниел увидел женское платье в одной раковине и белую униформу горничной в другой.

Он вернулся в столовую и попытался открыть последнюю дверь, которая привела его в кухню, и чувство сюрреализма полностью охватило Дэниела. На плите стояли кастрюли, с крючков в потолке свисали сухие травы, а

окаменевшая буханка хлеба на центральном столе медленно превращалась в пыль с помощью насекомых.

Такое чувство, что дом покинули очень быстро. Слуги бросили все и просто... сбежали. Почему? Что такого могло случиться, раз, уходя, они не пытались спасти хоть что-нибудь?

Он собирался вымыть чашки и поднос, но теперь ему пришло в голову, что водопровод навряд ли работает. Он повернул кран и стал ждать. Откуда-то из-под ног эхом донесся тяжелый резкий гул. Мгновение спустя из носика хлынула черная, напоминающая сукровицу, жидкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крейвен Мэнор – от англ. craven manor; это словосочетание можно перевести двояко: особняк, населенный трусами, или особняк, наводящий страх.

2

Бран (англ. Bran) – отруби, высебки, также марка хлопьев для завтрака.

3

«Спэм» (от англ. Spam) – торговая марка консервированного мяса, производимого в США.

4

Архитрав – горизонтальная панель, опирающаяся на ряд опор, обычно это балочное перекрытие, поддерживающее верхнюю часть здания.

Купить: https://tellnovel.com/kouts_darsi/kreyven-menor-hranitel-prizrakov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)